
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Нашествие турок на Польшу. - Битва при Катоге. - Взятие Каменца-Подольского. - Распоряжения в Москве по случаю войны турецкой. - Освобождение Серка. - Прибытие сыновей гетмана Самойловича в Москву. - Известия с западного берега. - Ханенко изъявляет желание поддаться царю. - Поведение митрополита Тукальского. - Неудачное движение Ромодановского и Самойловича к Днепру. - Неудовольствия малороссиян на царское войско и на воеводу князя Трубецкого. - Похвалы князю Ромодановскому. - Ропот на Самойловича. - Военные действия на Дону. - Вор Миюска. - Самозванец Семен в Запорожье. - Поведение Серка. - Сношения Дорошенка с Москвою. - Самойлович хлопочет, чтобы царь не принимал Дорошенка в подданство. - Ромодановский и Самойлович на западном берегу Днепра. - Письмо Ханенка к князю Трубецкому. - Переяславская рада: избрание Самойловича в гетманы обеих сторон Днепра. - Дорошенко просит о принятии его в подданство. - Серко высылает самозванца в Москву; допрос и казнь вору. - Дорошенко уклоняется от подданства царю. - Приход татар к нему на помощь. - Брат его Андрей разбит царскими войсками. - Посланец Дорошенка Мазепа, отправленный к хану, схвачен запорожцами и прислан в Москву. - Показания Мазепы. - Царь не отпускает из Москвы сыновей гетмана Самойловича. - Ромодановский и Самойлович под Чигирином. - Новое нашествие турок и татар. - Русские войска отступают на восточный берег. - Мнение гетмана Самойловича о соединении русских войск с польскими. - Грамота Ромодановского к царю. - Донос архиепископа Барановича на протопопа Адамовича. - Приезд последнего в Москву с поручением от архиепископа. - Доносы Самойловича на Серка. - Жалоба гетмана на протопопа Адамовича. - Сношения Серка с Москвою. - Смута в Каневе. - Новый поход царских войск на западный берег Днепра. - Затруднительное положение Дорошенка. - Он обращается к посредничеству Серка. - В Москве не принимают этого посредничества. - События на Дону.

В то самое время как на восточной стороне Днепра ставили нового гетмана, на западной разразилась наконец буря, о которой так давно и долго толковали и которой от продолжительности ожиданий и толков переставали уже бояться. Мы видели, какое важное влияние на ход событий имело отложение Дорошенка от Польши и обращение его к Турции. Испуганная Польша поспешила помириться с Москвою, выговаривая себе ее помощь против турок, одинаково страшных для обоих государств. Ян-Казимир не стал дожидаться новой беды и отказался от престола. Надобно было ожидать, что поляки ввиду опасной войны выберут теперь в короли какого-нибудь знаменитого полководца из своих

или чужих; но, как нарочно, мелкая шляхта выбрала в короли человека хотя из знатной, но обедневшей фамилии, и человека, своими личными достоинствами менее всего способного заставить забыть, что он не царственного происхождения. Масса шляхты могла выкрикнуть Вишневецкого, но давала ему слабую опору против недовольной его выбором знати, которая составила сильную партию и мешала королю во всем; к недовольным принадлежал и самый видный по талантам и месту человек - великий гетман и великий маршалок коронный Ян Собеский. Турками стращали друг друга, но о морах против грозы никто не думал. И по-видимому, имели основание отложить страх: пять лет прошло, с тех пор как Дорошенко отложился от Польши к Турции, и турки не думали о войне. Магомет IV сперва был занят войною венецианскою; но и после этой войны, кончившейся блистательным успехом, завоеванием Кандии, султан не трогался: шли слухи, что ему не до войны, что он проводит время или в гареме, или на охоте. Мы упоминали, что летом 1671 года шла война в западной Украине между поляками и Дорошенком, которому помогали татары. Нападение Дорошенка на Умань не удалось: город отбил. Собеский поразил Дорошенковых козаков и татар под Брацлавлем и занял несколько городов, признававших власть чигиринского гетмана. Но этот минутный успех польского оружия только раздражил султана, заставил его спешить походом на Польшу, которая осмелилась воевать вассала его, Дорошенка. Весною 1672 года турецкое войско в числе более чем 300000 перешло Дунай. Передовой отряд, состоявший из 40000 татар, ворвался в Подолию и на берегах Буга, при Батоге, встретил поляков, бывших под начальством Лужецкого, каштеляна подляского, при котором находился и Ханенко с своими козаками; всех же поляков и козаков было не более 6000; несмотря на это, они опрокинули и втоптали в реку татар. Надменный успехом, Лужецкий решился гнаться за татарами за реку. Тщетно удерживал его Ханенко; Лужецкий не хотел ничего слушать, "По крайней мере, - говорил Ханенко, - позволь мне остаться на стороже на этом берегу: если успеешь что-нибудь сделать на той стороне, то будешь иметь свидетеля твоего знаменитого подвига; если же дело не пойдет на лад, то поспешим разделить твой жребий". Ханенко остался и немедленно огородился обозом, а Лужецкий бросился в Буг, истомил коней, подмочил огнестрельное оружие. В таком положении он не мог удержаться с своею горстью людей на противоположном берегу; толпы татар обхватили его со всех сторон и заставили обратиться назад в реку, Лужецкий едва спасся сам, потерявши много своих убитыми и пленными. Беглецы нашли спасение в таборе Ханенка. Как скоро все поляки вбежали в табор, он начал двигаться назад; татары напирали с тыла и с боков; но козаки успешно отстреливались из пушек и ружей, и движущийся вал достиг Ладыжина. Татары осадили город, но не могли взять. Иная судьба ждала Каменец, который в августе месяце облегло все турецкое войско под начальством самого султана. Число защитников знаменитой крепости не превышало 1000 человек: был порох, но мало пушкарей, и те плохие: говорят, что на 400 пушек приходилось только четыре пушкаря.

Измученные работами над укреплениями, осажденные не имели свободной минуты поесть и уснуть. Турки взяли новый замок и подвели мину в скале под воротами старого, после чего пошли на приступ, но были отбиты, потерявши 200 человек. Осажденные видели, однако, что долго нельзя им держаться, и вывесили белое знамя. Условия сдачи были 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправление богослужения, для чего христиане сохраняют несколько церквей, остальные обращаются в мечети; 3) всякий волен выехать из города с имуществом, волен и остаться; 4) ратным людям вольно выйти с мушкетами, но без пушек и знамен. По заключении этих условий Янычар-ага приехал в город и занял его именем султана: янычары сменили гарнизон; жителям оставлены три церкви: одна русским, одна католикам и одна армянам; соборная церковь обращена в мечеть; со всех церквей сломали кресты, свесили колокола; часть знатных шляхтянок забрали на султана, часть - на визиря, часть - на пашей. Магомет IV с торжеством въехал в покоренный город и прямо направился в главную мечеть - бывшую соборную церковь: там перед ним обрезали осьмилетнего христианского мальчика.

Страшное впечатление произвела в Москве весть о взятии Каменца, этого оплота Польши с юга, подобного которому не имела Россия. Явились уже рассказы о тех ужасах, которые наделали бусурманы в покоренном городе: христианские церкви и римские костелы турки разорили и поделали мечети; образа из церквей и костелов выносили, клали в проезжих воротах и велели христианам по ним идти и всякое ругательство делать: кто не соглашался, того били до смерти. Давали знать, что визирь, хан и Дорошенко хвалятся идти под Киев. Киевский воевода князь Козловский писал, что в Киеве, Переяславле и Остре мало людей. В Киеве чинили город беспрестанно: где осыпалось на валу, зарубали лесом и крепили, только вала валить было нельзя, потому что место песчаное и дерну близко нет. Тукальский беспрестанно посылал к Дорошенку, чтобы шел под Киев, обнадеживая, что там мало людей.

Дорошенко называл себя подданным султана и воеводою киевским. Симеон Адамович писал Матвееву: "Бога ради, заступай нас у царского пресветлого величества, не плошась, прибавляйте сил в Киев, Переяславль, Нежин и Чернигов. Ведаешь непостоянство наших людей: лучше держаться будут, как государских сил прибавится. Присылайте воеводою в Нежин доброго человека: Степ. Ив. Хрущов не по Нежину воевода: давайте нам такого, как Ив. Ив. Ржевский: и последний бы с ним теперь за великого государя рад был умереть".

Царь призвал на совет высшее духовенство, бояр и думных людей, объявил им об успехах султана, о замыслах его идти весною под Киев, на малороссийские города и Северскую Украину и спрашивал, что делать. Назначили чрезвычайные сборы со всех поместий и вотчин; по полтине - с двора, с горожан - десятую деньгу: государь объявил о намерении своем выступить лично к Путивлю со всеми силами и написал к гетману

Самойловичу, что в Киев назначен боярин и воевода князь Юрий Петрович Трубецкой со многими ратными людьми, в Чернигов - стольник князь Семен Андреевич Хованский, в Нежин - князь Семен Звенигородский, в Переяславль - князь Владимир Волконский, и с Москвы отпущены будут скоро; а если султан двинется под Киев, то он сам, великий государь, пойдет на него, для чего в Путивле уже велено строить царский двор. Боялись, как мы видели, весны, ибо относительно зимы скоро пришли успокоительные слухи: султан пошел за Дунай на зимовку, хан - в Крым, Дорошенко - в Чигирин. и татар осталось у него немного; поляки под Бучачем (в Галиции) заключили мир с турками, уступив им Подолию, Украину и обязавшись платить султану ежегодно по 22000 червонных. Таким образом, тяжесть новой турецкой войны грозила обрушиться на одну Москву, и все внимание ее правительства обращено было на юг.

В декабре 1672 года Иван Самойлович писал Матвееву, зело милостивому своему приятелю и благодетелю: "Посланный мой сказал мне, будто твоя милость велел мне теперь к его пресветлому царскому величеству быть; если бы указ царского величества мне, наинижайшему рабу, был, дай то Христе боже, усердно сего желаю, только бы время было удобное и неприятельские замыслы от нас отдалились; смиренно молю о скорой ведомости от твоей милости, благодетеля моего". Гетман не ладил почему-то с Карпом Мокриевичем, тот также обратился к Матвееву с нижайшим поклоном до лица земли: "Стыдно мне частым писанием вашей милости, добродеею моему, докучать, но думаю, что рук ваших не доходит, потому что и по сие время не удостоиваюсь милости вельможного господина гетмана за свои верные и правдиво желательные к великому государю службы, о которых не только всему свету явно, но и сам господь ведает душу мою, что верно царскому величеству работал и до конца жизни моей обещаю. С покорением полагая себя подножием вашей милости, благодетелю моему многомилостивому, смиренно челом бью: смилуйся надо мною, работником своим, изволь своим высоким ходатайством его царскому величеству обо мне доложить, чтобы с каким-нибудь делом в своей государской грамоте обо мне указал отписать, чтобы я. верный подданный, работник, при своей чести был, а иные, которые ни малой службы великому государю не учинили, ныне сугубую милость и честь и корысть имеют".

В то же время Матвеев получил грамоту из Запорожья от кошевого Лукьяна Андреева: "Благодетелю нашему многомилостивому об отчине нашей, Малороссии, и об нас, Войске Запорожском, многочисленному ходателю и всяких щедрот давцу нижайшее наше поклонение посылаем и смиренно молим: умилосердись, яко отец над чады, чтоб милостивым твоим ходатайством калмыки, и чайки (лодки), и хлебные запасы присланы были к нам, и полевой наш вождь добрый и правитель, бусурманам страшный воин, Иван Серко, к нам был отпущен для того, что у нас второго такого полевого воина и бусурманам гонителя нет; бусурманы, слыша, что в Войске Запорожском Ивана Серко, страшного Крыму

промышленника и счастливого победителя, который их всегда поражал и побивал и христиан из неволи свободял, нет, радуются и над нами промышленяют". Царь отвечал, что все просьбы их будут исполнены и полевой воин Серко к ним будет отпущен. Действительно, в марте 1673 года Серко привезен был в Москву и представлен государю: сперва сам царь, потом патриарх и весь синклит, особенно князь Юрий Алексеевич Долгорукий и Артамон Сергеевич Матвеев, накрепко увещевали его быть верным престолу царского величества, патриарх грозил клятвою и вечною погибелью, если помыслит что худое. "Отпускаю тебя, - сказал царь, - по заступлению верного нашего подданного гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово непременно, писал я и королю польскому, и к запорожцам, что отпущу, и отпускаю".

Мы видели, что шел вопрос о приезде гетмана в Москву, и Самойлович уже давал знать, что это трудно сделать при настоящих обстоятельствах. Придуманно было средство: и оставить гетмана в Малороссии, и дать залог верности его царю. Еще в конце 1672 г. Симеон Адамович писал к Матвееву: "Бог да видит убогую службу и радение мое к царскому пресветлому величеству; многие гетманы, архиереи и полковники, много поглотава государской казны, поизменяли и кровопролитие чинили; а я, убогий червь, а не человек, как начал, так и работаю богу и великому государю. Нынешний гетман Иван Самойлович совершенно на мой совет положился; уже я его к тому привел, если страна наша освободится от неприятельского нашествия, то по первому пути хочет детей своих к великому государю посылать со мною". В марте 1673 года протопоп приехал в Москву и с ним два сына гетманских, Семен и Григорий, с *начальником* своим Батурина монастыря заместником Исааком и учителем Павлом Ясилковским для верности подданства и службы его гетманской, чтобы царскому величеству служба его гетманская была во всем верна. Самойлович писал, что сыновья его должны оставаться при царе до тех пор, пока сам гетман приедет в Москву. Адамович бил челом от имени Самойловича. чтобы государь приказал князю Ромодановскому и ему, гетману, идти войною на Крым или на Дорошенку и для этого похода прислал пушек полковых, легких, пороху и свинцу, прислал еще ратных людей в малороссийские города.

19 марта гетманских посланцев позвали смотреть, как повезут пушки строем из Никольских ворот под дворцовые переходы в Спасские ворота. Кроме малороссиян были тут разных земель торговые немцы, и греки, и персияне; в их толпу пробрались тайком подьячие Посольского приказа и подслушивали, что говорят иноземцы. Протопоп Семен с черкасами говорил: "Должно быть, идет сам государь в поход на турецкого султана"; дивились, что пушки везены зело урядством и строем премудрым; хвалили, что лошади впряжены были парами и устроены воински, пушки велики и к войне зело удобны. Когда шел между пушками двор окольного князя Ивана Петровича Борятинского, то протопоп, сжав плеча, сказал: "Ей, поистине над сим намерением и над людьми происходит божие

милосердие; конечно, чаю, что дела их воинские во всяком добре совершатся, потому что, по многим моим приметам, люди смело и радостно выступают и благополучия себе ожидают; это с божией воли!" Гетманские сыновья расспрашивали протопопа обо всем, считали, много ль пушек, которая больше, и все хвалили. Греки говорили: когда турки брали Кандию, а теперь Каменец, то у них было пушек много, только невелики, такие или немного побольше бывали при султানে по две или по три, но сделаны грубо и не так к войне удобны. Немцы также хвалили и говорили, что прежде таких строев на Москве не бывало и потому надобно ждать победы царя над турком; бог не оставит царя, потому что он начинает войну для защиты христианской веры. Персияне и армяне говорили, что у шаха таких пушек нет и турки их не стерпят.

Отец протопоп был в восторге от приема в Москве и писал гетману: "Царского величества отеческая к вельможности твоей неизреченная милость, о чем били челом, все будет исполнено. Детям твоим двор с палатами каменными купить приискивают; в господине Артемене бог послал твоей вельможности и детям твоим отца милостивого, на которого милость и заступление будь всегда надежен, дал он мне в том слово, и деткам твоим всякое добро при царском величестве будет. Не могу перечислить царского величества милости и Артемона Сергеевича приятства и любви". Протопоп был отпущен с ответом: что касается до похода на Крым. то государь указал этот способ теперь до времени оставить; а идти князю Ромодановскому и гетману Самойловичу к Днепру и, ставши у этой реки, послать к Дорошенку грамоту с двумя досужими людьми, сказать ему: ты присылал к великому государю с челобитьем, чтобы велел тебя принять в подданство, великий государь на это изволяет и прислал к тебе милостивую грамоту; при этом обещать, что права и вольности будут не нарушены и государь будет оборонять Дорошенка от турок: если же Дорошенко откажется принять присягу, то объявить ему, что царские войска обратятся против него. Если мимо Дорошенка заднепровские козаки станут присылать, что поддаются великому государю, то их принять, привести к присяге и, поговоря со всем Войском, учинить на той стороне гетмана доброго и досужего, особенно же верного человека, а над Дорошенком чинить промысл. Если заднепровские козаки будут просить, чтобы сделать гетманом на обеих сторонах Днепра Ивана Самойловича или станут просить себе в особые гетманы кого-нибудь с восточной стороны, то исполнить их желание. Мы видели, что государь обещал отправить в Киев большое войско с боярином князем Юрием Петровичем Трубецким: действительно, в начале 1673 года Трубецкой двинулся в Малороссию. В десяти верстах от Сосницы встретил его гетман с старшиною и до Сосницы сидел с боярином на санях у щита на облучке; 13 февраля Трубецкой вступил в Киев.

Войска должны были выступить в поход по последнему зимнему пути, рассчитывая по московской погоде; но Ромодановский дал знать государю, что этого сделать нельзя: "У нас на Украине с полей снег весь сбило и

водное *располоение* большое, ни которыми мерами мне походом поспешить нельзя; ратных людей при мне нет никого". А между тем на западном берегу, как только узнали о намеряемых движениях царского войска, так уже начали толковать о подданстве великому государю. Есаул Яков Лизогуб сносился из Канева с переяславским полковником Райчею, обещая сдать Канев, как только русские войска явятся за Днепром. "Рад бы я, - говорил Лизогуб, - перейти за Днепр в сторону царского величества со всем своим домом и пожитками, да славу свою потеряю: тут я начальным знатным человеком, и все меня здесь слушают, лучше мне будет, живучи здесь, царскому величеству службу свою показать, потому что здесь все люди, видя утеснение от турок, Дорошенка и нас всех проклинают и всякое зло мыслят, и сам Дорошенко скучает, что поддался турецкому. После Рождества Христова у него была рада со всею старшиною: говорил Дорошенко: весна приходит, и слух носится, что царь со всеми силами будет на Украину, так решите, при ком нам держаться? Старшина приговорили: от турецкого султана не отставать и его не гневить, потому что ныне, кроме него, деться нам негде: царь по договору с королем под свою руку нас не примет, а под королем быть не хотим, потому что много досады ему учинили, будет нам мстить, да и для того, что искони веков в разделении мы не бывали, а теперь одна сторона без другой быть не хотят. Турский салтан в Каменец будет, видя, что король мирного постановления не исполняет, из Белой Церкви ратным людям выступить не велел, и если теперь от турецкого нам отстать, а помощи ни от кого не будет, и он, пришедши, вконец нас всех разорит". "Когда Дорошенко был в походе вместе с турками, - продолжал Лизогуб, - то ему честь была добрая, называли его князем; но козакам нужда была великая, турки называли их и теперь называют свиньями, где увидят свинью, называют козаком. Турские люди теперь в Каменце, Межибожье, Баре, Язловце, Снятине, Жванце. Во всех этих городах они церкви божию разорили, поделали из них житницы, из других мечети, колокола на пушки перелили, жителям нужды чинят великие, малых детей берут, женятся силою, мертвых погребать и младенцев крестить беспошлинно не дают, беспрестанно кандалы куют и в Каменец отсылают, две башни доверху наметали, также конские железа дорогою ценою покупают - для чего, неведомо. Пусть гетман Иван Самойлович напишет к великому государю, чтоб присылал многих ратных людей сюда, на западную сторону, ни один город, кроме Чигирина, стоять не будет, только бы великий государь польскому королю нас не отдавал; да занял бы государь своими войсками Сечь и Кодак, а если займут их турки, то полтавской стороне и нам здесь трудно будет". "Не верю я Лизогубу, - говорил гетман Иван Самойлович, - все это говорит он по Дорошкову наученью; да у Лизогуба пашня и скотина на этой стороне, в Переяславском полку, боится он, чтобы я их у него не отнял. Если мы с князем Гр. Гр. Ромодановским пойдем на ту сторону Днепра, тогда и не в честь будут сдаваться, потому: как турецкий султан наступит, разволокут всех; Хмельницкий (Юрий) с бусурманами водился и залетел в Царь-город; и Дорошенко из-под Каменца чуть-чуть туда же не угодил, и вперед ему не

отбить. Посылать к Лизогубу о склонности вперед не надобно, потому что он обо всем будет передавать Дорошенке, и Дорошенко подумает, что, боясь турецкого султана, к ним подсылки делаются о склонности, и пуще будет султана и хана к войне побуждать". Но Дмитрашка Райча говорил иное: хвалил верность Лизогуба, утверждал, что вперед на него можно положиться.

В апреле прислал в Москву грамоту Ханенко: "Падши раболепно к ногам царского престола, бил челом о принятии в подданство: яко елень на источники водные, сице желала душа его под пресветлую державу единого святолепного монарха. Был он, Ханенко, при королевском величестве многие годы, кровь свою проливал на оборону Короны Польской, но за то ни он, ни войско ни малого себя награждения не получили, только сенаторскими пыхами (гордостью) озлоблены бывали".

Лизогуб в своем рассказе о Чигиринской раде пропустил любопытное известие о Тукальском. Киевский мещанин, приехавший из Черкас, рассказывал, что во время рады митрополит читал поучение, в котором сильно поносил Дорошенка и других начальных людей за то, что турку служат, и церкви разоряют, и мечети строят. После этого митрополит на раде советовал козакам, чтобы оставались в союзе только с ханом, а от турок каким бы то ни было способом отлучились. Тогда обозный Гурлак отвечал митрополиту: "Уж бы тебе, отче митрополит, полно в наши рады вступаться, своего бы ты духовного дела остерегал, а не нас; уж ты нас усоветовал, так не скоро отсоветуешь".

17 апреля князь Ромодановский съехался с гетманом Самойловичем в Сумах и постановили: Ромодановскому с своими ратными людьми собираться в Судже, а гетману - в Батурине и сойтись вместе между Глинском и Лохвицею, у реки Сулы. 22 мая вожди соединились за Лохвицею, у Лебединых озер, и 1 июня отправили отряд за Днепр, под Канев, с предложением Дорошенку и Лизогубу поддаться великому государю; но Дорошенко, Лизогуб и каневцы отказали, что они в подданстве у великого государя быть никогда не хотят. Отряд переправился назад, за Днепр, а между тем на восточной стороне появились татарские толпы. Ромодановский послал за ними харьковского полковника; под Коломыком встретился он с татарами, бился целый день и едва ушел. Это заставило Ромодановского и гетмана из-под Лубен отступить назад, к Белгороду. Ромодановский и гетман писали царю, что им нельзя было переправиться за Днепр, потому что река очень распалилась, а Дорошенко отогнал все суда. "Но если бы и не это, - отвечал царь, - то разве вам велено было переправляться за Днепр? Вам именно было велено стать у Днепра где пристойно и, устроясь обозом, послать к Дорошенку с милостивыми грамотами двоих досужих людей, а не полк; также велено было, услышав о татарах, не отступать, а выслать против них часть войска". Царь оканчивал грамоту объявлением, что если султан, хан и Дорошенко наступят на Польшу, то он сам выступит в поход. Но

Самойлович не переставал оправдываться в том, что не перешли за Днепр: войска было мало, запасов мало, и Дорошенко распустил слух, что козаки и восточной и западной стороны, соединись, будут промышленять над царскими людьми.

В Малороссии требовали царских войск, но в то время проход войск в стране известно чем сопровождался. Архимандрит Иннокентий Гизель говорил: "Превеликая царского величества милость, что изволил свою отчину, преславный град Киев, охранить: этому мы рады; но что ратные люди дорогою делали, тому бог свидетель: не только эти новопришлые, но и прежние под самым Печерским монастырем и около монастырские и подданных монастырских сена побрали без остатку, пришлось лошадей и скотину с двора спускать; также и леса наши пустошили и теперь пустошат, не исключая борных и надобных". Полковник Солонина жаловался: "Воеводы и головы стрелецкие, идучи дорогою, под Киевом брали подводы многие, и из этих подвод большая половина распропала; людей, которые за подводами шли, стрельцы били, за хохлы драли и всякими скверными словами бесчестили; у бедных людей дворы и огороды пожгли, разорили, сена все потравили, крали и силою отнимали; такой налоги бедным людям еще не бывало: не знаю я, как и назвать: неужели это христиане к христианам пришли на защиту? Но и татары то же бы сделали! Только тем и удивляться нечего: неприятельские люди и бусурманы". Не понравился и сам Трубецкой с товарищами своими: знатные малороссияне жаловались, что боярин и воеводы неприступны, ласки к ним не держат, Трубецкой полковникам на двор и с двора ездить не велит, не то что боярин князь Григ. Григор. Ромодановский: кто бы из малороссиян к нему ни пришел, и он со всяким обходится как равный, за это все его любят. И по всей Малороссии, где проходил Трубецкой с войском, слышались одни речи: "Нам очень надобно, что великий государь прислал многих людей в Киев и хочет удержать его за собою; если бусурманы на Киев станут наступать, то мы все за него умирать готовы; только то нехорошо, что ратные люди с нами неласково поступают и несмирно ходят; ни от чего мы так не скучаем, как от подвод, и многие с Киевской и Переяславской дороги хотят разбрестись".

Слышался ропот и на нового гетмана; знатные и простые люди говорили: "Очень тяжело было нам при Демке, но и теперь от того не ушли; на раде было отговорено гетману: охочих людей не держать, с винных, пивных котлов и с мельничных колес пошлин не брать; но все по-прежнему, как при Демке, делается: компанейщину собирают и поборы частые берут". Об этих жалобах дали знать гетману: он отвечал: "Я компанейщиков собираю и пошлины брать велел для того, что в нынешнее время люди мне надобны против неприятеля. Если бы с той стороны все воинские люди на эту сторону Днепра перешли, то я их приму и кормить буду; а пошлины не себе я собираю, а на корм воинским людям, которые, покинув дома и пожитки свои, великому государю служат, не жалея голов; часто случается,

что против неприятельских ратных людей и нанимают, жалованье большое дают; а этим людям только и пожитку, что сами да лошади их сыты".

В то время как поход царских войск к Днепру кончился так неудачно, в августе 1673 года начались промыслы на другой стороне, под Азовом: отправленные на Дон воеводы Иван Хитрово и Григорий Касогов с государевыми ратными людьми и с донскими козаками, в числе 8000, подошли под Каланчинские башни и, стреляя из пушек день и ночь, сбили у одной из башен верхний и середний бои и отняли водяное сообщение у Азова с башнями, но сухопутного по недостатку конницы отнять не могли. Азовцы вышли на бой всем городом, но потерпели поражение: победители гнали их больше версты. Ядер не стало, а идти на приступ к башне воеводы и атаманы сочли невозможным по причине широких валов, глубоких рвов и янычар, которых было 1000 человек. Не успевши взять башен, воеводы пропустили козачьим ерком в море на 22 стругах для промыслу над турецкими и крымскими берегами. Донское войско писало Матвееву, что если великий государь велит идти под Азов и чинить приступ, то ратных людей надобно пехоты 40000 да конницы 20000: с таким войском к Азову пытаться можно, а с малым войском идти на приступ нельзя, место большое: Каланчинские башни в десять раз крепче Азова, взять их никак нельзя, и вперед под ними людей и казны терять не для чего.

Московские ратные люди и козаки промыслили под Азовом; а в тылу у них чинился промысл своего рода. Хитрово доносил, что объявилось на Дону воровство великое, ворует старый товарищ Разина, Иван Миюска, около которого собралось больше 200 человек: проезд степью стал тяжел, и вперед надобно ожидать воровства большого, потому что товарищи Разина, ушедшие из Астрахани и с черты, живут по Дону в верховых городах. По настоянию Хитрово донцы послали отряд против Миюски на Северский Донец; но Миюска, узнав об этой посылке, перешел на устье Черной Калитвы, где объявилось великое воровство вниз и вверх, торговым и служилым людям не стало проезду, и шел слух, что на весну Миюска пойдет на Волгу, пристанет к нему с Дона и верховых городков много воров, как и к Разину. Посланные воронежским воеводою козаки нигде не отыскали следов Миюски: он объявился в другом месте.

В начале зимы гетман Самойлович дал знать, что в Запороги приехал человек - хорош и тонок, долголиц, не чермен и не рус, немного смугловат, по лицу трудно сказать лета, козаки угадывали, что лет пятнадцать, молчалив, два знамени у него: на знаменах написаны орлы и сабли кривые, с ним восемь человек донской породы, надет на нем кафтан зеленый, лисицами подшит, а под исподом кафтанец червчатый китайковый, называется царевичем Симеоном Алексеевичем: вож его, козак Миюска, говорил судье запорожскому, будто у этого царевича на правом плече и на руке есть знамя видением царского венца. Когда узнали в Запорожье, что Серко приближается, то царевич, распустив знамена, почтил Серка встречу. Серко посадил его подле себя и спрашивал: "Слышал я от

наказного своего, что ты называешься какого-то царя сыном: скажи, бога боясь, потому что ты очень молод, истинную правду скажи, нашего ли великого государя Алексея Михайловича ты сын или другого какого царя, который под его рукою пребывает? Чтобы мы и тобою обмануты не были, как иными в войске плутами". Молодой человек встал, снял шапку и говорил, как бы плача: "Не надеялся я, что ты меня бояться будешь: бог мне свидетель правдивый, что сын я вашего государя". Услыхав это, Серко и все козаки сняли шапки, поклонились до земли и начали потчевать его питьем. У самозванца спрашивали, будет ли он своею рукою писать к гетману Самойловичу и к батюшке своему, великому государю? "Господину гетману, - отвечал он, - изуственным приказом кланяюсь: а к батюшке писать трудно, чтобы моя грамотка к боярам в руки не попала, чего очень опасаюсь, а такой человек не сыщется, чтобы грамотку мою батюшке в самые руки мог отдать, и ты, кошевой атаман, умиласердись, никому русским людям обо мне не объявляй; сослан я был на Соловецкий остров, и как Стенька был, то я к нему тайно пришел и жил при нем, пока его взяли, потом с козаками на Хвальнское море ходил, откуда на Дону был, Войском здесь про меня не ведали, только один атаман ведал". А вож Миуской говорил Серку, что подлинно на теле у царевича знаки видением царского венца есть; намерение такое имеет: тайно пробраться в Киев и оттуда ехать к польскому королю.

14 декабря к гетману Самойловичу и на кош к Серку за самозванцем отправился сотник стрелецкий Чадуев и подьячий Щеголев. "Я уже писал в Запороги, - сказал им Самойлович, - чтобы вора с товарищами ко мне прислали; думаю, что Серко мне не будет противен; боюсь одного, что на Запорожье никого не выдают, говорят, что они Войско вольное, кто хочет, приходит по воле и отходит так же". На дороге, в местечке Кереберде, пришел к московским посланцам запорожский козак Максимка Щербак и начал говорить: "Знаете ли вы Щербака донского, а он знает, зачем вы на Запорожье посланы; вам ехать незачем, даром пропадете: самый истинный царевич Симеон Алексеевич ныне на Запорожье объявился, я про это про все знаю и ведаю; царевич деда своего, боярина Илью Даниловича Милославского, ударил блюдом и оттого ушел, по всей Москве слава носилась, что то правда была, а я в то время на Москве сидел в тюрьме, по челобитью Демьяна Многогрешного освобожден, был на Дону и на Запорожье, а вышел из Запорожья тому другая неделя". "Это вор, плут, самозванец и обманщик", - говорили посланцы. Щербак на это плюнул им в глаза и сказал: "Завяжите себе рот, даром злую смерть примете". Встретились Чадуеву и Щеголеву посланцы Самойловича, ездившие в Запорожье, и объявили: "Когда запорожцы выслушали гетманское письмо о самозванце, то смеялись, про гетмана и про бояр говорили всякие непристойные и грубые слова, самозванца, по приказу Серкову, называют царевичем; к гетману ничего не отписали, писал к нему самозванец и запечатал своею печатью наподобие печати царского величества; сделали ему эту печать запорожцы из ефимков, да сделали ему тафтяное знамя с двоеглавым орлом и платье доброе дали. На отпуске нашем пришел в раду

самозванец, бесчестил всячески гетмана, говорил: глуп ваш гетман, что меня так описывает, если бы вы не пресные души, велел бы повесить; если гетману надобно меня знать, пусть пришлет осмотреть обозного Петра Забелу да судью Ивана Домонтовича: о выдаче моей много бояре станут присылать знатных людей именем царского величества с грамотами, только я не поеду три года, буду ходить на море и в Крым, а кто присланы будут, даром не пробудут". В Кишенке московские посланцы нашли челядника Василья Многогрешного, Лучка, да самозванцева товарища Мерешку: оба говорили Чадуеву и Щеголсу, чтобы на Запорожье ни под каким видом не ездили: еще у Кодака запорожцы встретят и повесят, а самозванца выдать и не подумают. "Я, - говорил Лучка, - при нем жил многое время и видел на плечах природные знаки красные: царский венец, двояглавый орел, месяц с звездою". Приехал в Кишенку Игнат Оглобля, отправлявшийся в посланниках от Серка к гетману Самойловичу; он говорил, что Серко хотел бить Чадуева за самозванца и называл его собачьим сыном. Услыхав все эти вести, Чадуев и Щеголев приняли меры для собственной безопасности: велели Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю отослать к гетману в Канев, чтобы он держал их там до их возвращения.

1 марта 1674 года выехали царские посланники из Кишенки на Запорожье; 9-го числа въехали в Сечь: кошевой атаман Серко и все посольство вышли за город навстречу и поставили Чадуева и Щеголева за городом, на берегу реки Чертомлика в греческой избе. На другой день посланников позвали в курень к атаману; там нашли они Серка, судью, писаря, куренных атаманов и знатных козаков-радцев (советников): "Для каких великого государя дел вы к нам присланы? - спросил Серко. - Слышали мы, что за царевичем?" "Это не царевич, - отвечал Чадуев, - это вор, плут, самозванец, явный обманщик и богоотступник, Стеньки Разина ученик". "Неправда, - говорили запорожцы, - это истинный царевич Симеон Алексеевич и желает с вами видеться". "Мы присланы, - отвечал Чадуев, - для взятъя этого вора и самозванца, а не видеться с ним". *Серко*: "Мы его в раде вам покажем, станете с ним говорить, и мы знаем, что вы, узнав, поклонитесь ему как следует". После этого разговора Серко, судья, писарь и куренные атаманы пили у самозванца мало не весь день, и Серко, упившись, будто спал. Часа за два до вечера самозванец, опоясавшись саблею, вышел из своего куреня, с ним судья Степан Белый, писарь Андрей Яковлев, есаулы и козаков человек с триста, все пьяные, подошли к избе, где стояли послы, и стали выкликать Щеголева: "Пооди! царевич тебя зовет". Щеголев не пошел, а Чадуев вышел в сени и, отворя дверь, говорил: "Кто и зачем Щеголева спрашивает!" Отвечал самозванец: "Пооди ко мне!" *Чадуев*: "Ты что за человек?" *Самозванец*: "Я царевич Симеон Алексеевич". *Чадуев*: "Страшное и великое имя вспоминаешь; такого великого и преславного монарха сыном называешься, что и в разум человеческий не вместится; царевичи-государя по степям и по лугам так ходить не изволят: ты сатанин и богоотступника Стеньки Разина ученик и сын, вор, плут и обманщик". *Самозванец*: "Брюхачи, изменники! Смотрите!

Наши же холопы да нам же досаждают! Я тебе устрою!" И, вынув саблю, побежал к дверям на Чадуева: тот взял пищаль и хотел его убить; но писарь схватил самозванца поперек, унес за хлебную бочку и потом пошел с ним в город. Остались козаки и начали с поленьями приступать к избе, а другие разбирать крышу, ругались. крича: "Ты, старый, государича хотел застрелить". Тут Чадуев с пищалью, Щеголев с саблей, стрельцы с мушкетами, простясь между собой, сели насмерть. Но до смерти дело не дошло: посланники вынули государеву грамоту и закричали: "Подождите до рады, а в раде выслушайте великого государя грамоту". Козаки закричали судье и есаулам: "Поставьте у них караул, чтобы не ушли: умеют москали из рук уходить". И один за другим разошлись. Но вместо них явился полковник Алексей Белицкий, при нем козаки с мушкетами, и стали в сенях, у самых избных дверей, готовые к бою.

Вечером пришли к послам от Серка судья, писарь, есаул, атаман куренный и говорили: "Худо вы сделали, что государича хотели застрелить, будучи между Войском: 12 марта будет рада, и государич в раде будет: что вы хотели его застрелить, теперь всем ведомо, и если над вами Войску велит что сделать, то Войско, что огонь, по маковому зерну разорвет. Вы, когда придете в раду, поскорее добивайте ему челом и кланяйтесь до земли". Чадуев: "Недобрый, небогоугодный, неверных слуг поступок, что вы, называясь верными слугами царского величества, просите и получаете его милости, а послов его, поверя неведомо какому вору, смерти предаете! Мы не на смерть к вам посланы, а на увеселение и объявление царского величества премногой милости вам же".

12 марта собралась рада; послов царских позвали туда, но ножи у них отобрали и велели за ними идти караульщикам с мушкетами. Самозванец стоял в церкви и смотрел в окно на раду. Серко, выслушав царскую грамоту, наказ и гетманский лист, начал говорить запорожцам: "Братья мои, атаманы-молодцы, Войско Запорожское низовое днепровое, как стар, так и молодой. Прежде в Войске Запорожском у вас, добрых молодцов, того не бывало, чтоб кому кого выдавали: не выдадим этого молодчика!" "Не выдадим, господин кошевой!" - грянула толпа. Серко продолжал: "Братья моя милая! Как одного его выдадим, тогда всех нас Москва по одному разволочет; а он не вор и не плут, прямой царевич, и сидит как птица в клетке, и никому ничего невинен". "Пусть они того плута сами в очи посмотрят, - закричали козаки, - узнают, что за плут! Идет им о печать и о письмо; царевич и сам сказывает, что бояре все это пишут и присылают без указа великого государя и еще будут присылать; пора их утопить либо руки и ноги отрубить". "Поберегите, братцы, меня, - стал опять говорить Серко, - еще потерпим, наших много у гетмана, а иных они, Чадуев и Щеголев, для своей свободы к гетману отослали, и, пока наши будут, подержим их живых или одного из них отпустим, чтобы как-нибудь своих освободить, а караул у них крепкий стоит, не уйдут. Пошлем мы к Дорошенку, чтобы он клейноты войсковые отдал нам на кош да и сам к нам приехал, он меня послушает, потому что мне кум; спасибо ему, что до сих

пор клейнотов войсковых Ромодановскому не отдал. Какая правда Ромодановского? Когда побил Юраску Хмельницкого и клейноты войсковые взял, нам их не отдал и теперь то же сделает, если Дорошенко клейноты ему отдаст". "Пошлем, господин кошевой! - загремела опять толпа. - Вели листы к Дорошенку писать". Тут Серко велел Чадуеву и Щеголеву выйти из рады; но козаки зашумели: "Показать им царевича, чтобы они по его воле учинили, а если не учинят, побить". Серко стал их опять успокаивать: "Он государич, зачем ему по радам волочиться; когда будет время, увидят и без рады и по воле его учинят, а теперь пускайте их".

Вечером пришли к послам судья, писарь и есаул и начали говорить: "Царевич очень печален, что к вам в раду его не позвали, хочет он с вами видеться, и кошевой хочет его с вами свести в своем курене". Послы отвечали: "Присланы мы от царского величества к Войску Запорожскому за самозванцем, а не беседовать с ним; если кошевой введет его к себе в курень с саблею, а он захочет озорничать, то какая ваша правда? Мы и теперь, как тогда, шеи не протянем".

13 марта, созвав к себе в курень куренных атаманов и знатных козаков, Серко призвал послов и говорил им: "Много вы на Запорожье наворовали, на великого человека хотели руку поднять, государича убить, достойны вы смерти. А нам бог дал с неба многоценное жемчужное зерно и самоцветный камень, чего никогда, искони веков, у нас на Запорожье не бывало. Сказывает он, что из Москвы изгнан таким образом: однажды был он у деда своего, боярина Ильи Даниловича Милославского, и в то же время был у боярина немецкий посол и говорил о делах; царевич разговору их помешал, а боярин невежливо отвел его рукою. Царевич, возвратившись в свои палаты, говорил матери, царице Марье Ильиничне: если бы мне на царстве хотя бы три дня побыть, и я бы бояр нежелательных всех перевел. Царица спросила: кого бы он перевел? Прежде всего боярина Илью Даниловича, отвечал царевич, Царица кинула в него ножом, нож попал в ногу, и он оттого занемог. Царица велела стряпчему Михайле Савостьянову его окормить, но стряпчий окормил вместо его певчего и, сняв с него платье, положил на стол, а другое на мертвого; царевича берег втайне три дня, нанял двух нищих старцев, одного без руки, другого кривого, дал им сто золотых червонных, и эти старцы вывезли его из города на малой тележке под рогожею и отдали посадскому мужику, а мужик свез его к Архангельской пристани. Скитаясь там долгое время, царевич наконец пришел на Дон и был с Стенькою Разиным на море, не сказывая про себя, был у Разина кашеваром и назывался Матюшкою; а перед Стенькиным взятьем он ему про себя сказывал под присягою; а после Стеньки был на Дону царского величества посланный с казною, который его, царевича, дарил, и он с ним послал письмо, но этого письма бояре до царского величества не допустили. Как время придет, пошлет он к царскому величеству письмо с таким человеком, который сам до государя донесет. Я, - продолжал Серко, - мало этому верил; но в нынешний великий пост он постился; я велел священнику его на исповеди под клятвою

свидетельствовать, подлинно ли так, как сказывает, и он под клятвою сказал, что правда истинная, и причащался. И теперь, кто что ни говори и ни пиши, все мы в том ему верим". Тут Серко перекрестился и сказал: "Истинный царевич! не зарекаемся мы за его промыслом, как он у нас росписи просит, что Войску надобно? На 3000 и больше кармазинных сукон по 10 аршин на человека на год брать, также денежную, свинцовую и пороховую и многую казну, ломовые пушки и нарядные ядра; и мастер, который теми ядрами умеет стрелять, и сипоши, и чайки у нас будут. Царевич говорит, да и мы сами хорошо знаем, для чего донским козакам и нам государева жалованья, пушек, всяких войсковых запасов и чаек не дают: царское величество к нам милосерд, много обещает, а бояре и малого не дают; царское величество изволил нам прислать шиптуховых сукон, и нам досталось только по полтора локтя на человека". "Оставьте все эти слова, - отвечал Чадуев, - выдайте самозванца и пошлите к великому государю с ним сто человек и больше своих, и все они будут пожалованы, и к вам на кош царское жалованье, сукна, пушки, ядра, мастер, зелье, свинец, сипоши и чайки присланы будут". "Если и тысячу человек за ним пошлем, - отвечали атаманы, - то на дороге его отнимут и до царского величества не допустят; если дворяне или воеводы с людьми ратными за ним присланы будут, не отдадут; Москва и нас всех называет ворами и плутами, будто мы не знаем, что и откуда кто есть? Если государь по приговору бояр, что мы царевича не отдали, пошлет к гетману Самойловичу, чтобы не велел пускать к нам, в Запорожье, хлеба и всяких харчей, как Демка Многогрешный не пропускал, то мы, как тогда без хлеба не были, так и теперь не будем, сыщем мы себе и другого государя, дадут нам и крымские мещане хлеба и ради нам будут, чтобы только брали, так как во время Суховеева гетманства давали нам всякий хлеб из Перекопи. А про царевича ведомо и хану крымскому: присылал проводывать об нем, и мы сказали, что есть у нас на коше такой человек. Турский султан нынешнею весною непременно хочет быть под Киев и далее; пусть цари между собою переведаются, а мы себе место сыщем: кто силен, тот и государь нам будет. Жаль нам Пашки Грибовича: если бы в нынешнее время он, Пашка, был с нами, узнал бы я, как в Сибирь через поле посмотреть, узнали бы, какой жолнырь Серко. Какому они мужику дали гетманство? Он своих разоряет и разорять-то не умеет: по Днепру попластал и поволочился и, ничего доброго не сделав, назад возвратился.

Теперь у нас четыре гетмана: Самойлович, Суховей, Ханенко, Дорошенко, а ни от кого ничего доброго нет, в домах сидят и только между собой христианскую кровь проливают за гетманство, за маетности, за мельницы; то бы было хорошо, если бы Крым разорить и войну унять. Когда рада была и Ромодановский гетманство Самойловичу дал, а Войско спрашивало меня и гетманство хотело дать мне, Ромодановский не по войсковому поступил и давно меня в пропасть отослал. Слышно, что той стороны Днепра многие города и Лизогуб теперь при вашем гетмане. Хвала богу, что Лизогуб подлизался, а как лизнет, то и в пятках горячо будет. А когда бы мне дали гетманство, я бы не так сделал; если бы и теперь дали мне на

один год гетманство или гетман, московский обранец, попович, дал мне четыре полка: Полтавский, Миргородский, Прилуцкий и Лубенский, то я бы знал, что с ними сделать, Крым бы весь разорил". "Теперь у князя Ромодановского и у гетмана войска много, - сказали послы, - ступай к ним и промышляй с ними сообща". "Теперь не прежнее, - отвечал Серко, - не обмануть меня; прежде Ромодановский отписал ко мне государскую милость; я, поверя, поехал к нему, а он меня продал за 2000 золотых червонных". "Кто эти червонные за тебя дал?" - спросили послы. "Царское величество, милосердую обо мне, велел дать их Ромодановскому", - отвечал Серко.

17 марта перед обеднею Серко посылал священника да 11 человек куренных атаманов осматривать царевича; никакого венца, ни орла, ни месяца, ни звезды не нашли, только на груди от одного плеча до другого восемь пятен белых, точно пальцем ткнуты, да на правом плече, точно лишай, - широко и бело. Самозванец говорил им, будто про эти знаки знает царица да мама Марья; теперь, кроме стряпчего Михайлы Савостьянова, никто его не узнает, да и он, кроме его, никому не поверит, а к царю писать будет. Серко и все козаки еще больше после этого уверились. В тот же день московским послам было объявлено, что их к государю отпустят, но вместе с ними отправят своих козаков, чтобы они сами из уст царского величества о том человеке слово услышали и, приехав на кош, им объявили, и тогда у них свой разум будет.

Старая история! Запорожский кошевой срывает сердце: зачем его не выбрали в гетманы, его, давнего сторонника Дорошенка! Притворяется, что верит самозванцу; козак высказывается: пусть государи переведаются, а мы будем за тем, кто осилит; приговор Запорожью был подписан этими словами, ибо, кто осилил окончательно, тот не захочет более терпеть людей, шатающихся между государями, выжидающих, кто из государей будет сильное. Серку было досадно, что гетман-попович Самойлович получил успех на западной стороне Днепра. Действительно, в начале 1674 года привелось в исполнение давно задуманное предприятие перенести царское оружие на западную сторону. Самойлович получил приказание из Москвы соединиться с Ромодановским и двинуться против Дорошенка, с которым не прекращались бесполезные переговоры о подданстве. Дорошенко с Тукальским присылали и в Москву монаха Серапиона с предложением подданства и с условиями, на которых Дорошенко хотел поддаться великому государю. Дорошенко требовал, чтобы Киев отдан был козакам, чтобы царь вывел из него своих людей, а козаки за то позволят царю, в каком городе угодно, занять крепость своими войсками. Если царь не согласится на это, то Серапион должен был просить обнадеживанья, чтоб Киева не отдавать полякам. Дорошенко требовал, чтобы на обеих сторонах Днепра был один гетман, который владел бы войском и посольством как господарь, как теперь за Днестром, чтоб все его слушались. Гетман с Украйною не на время признают царское величество дедичным государем: так чтобы и гетман на всю жизнь был утвержден,

особенно чтобы вольности козацкие в целости пребывали. Чтобы царь не допускал непостоянства некоторых людей украинских, как недавно по нескольку гетманов бывало. Где домовитов много, там порядка нет, особенно когда согласия и послушания не будет: так чтобы приказал государь запорожцам слушаться гетмана.

Касательно рубежа польского в состав Украины должны входить три прежние воеводства: Киевское, Браสลавское и Черниговское. Чтобы царь оборонял Украину и вел наступательную войну против бусурман. У Дорошенка больше всего было на сердце двойное гетманство. "Никогда я этого не уступлю, - говорил Дорошенко, - дело невозможное и в Украине неслыханное, чтобы гетман на той стороне Днепра когда-нибудь был; не только я, но и вся сторона, которая под моим начальством, на это никак не согласится. При двух гетманах мы никогда ничего доброго не сделаем; пример Польша и Литва: от беспрестанной зависти что там доброго делается? Не хвалюсь, но пусть пан Самойлович такой будет, как я. Козак ли он от прадедов и дедов! Знает ли он Запорожье, речки, проливы морские, реки, самое море? На многих ли войнах бывал? Где чего нагляделся? Когда с монархом дело имел, воевал или договаривался, чтобы теперь уметь начать что-нибудь для услуги царского величества? Если он на себе покажет, что знает все и может что доброе начать, то я ему уступлю и низко поклонюсь, что с меня эту тягость снимет. А то он и козаком-то недавно, случилось ли ему хотя однажды быть в войске? Долго ли был полковником? Все ли наши старшинства - от малого до великого - перешел? А еще мне пакость делает! Козаков с нашей стороны забирает, на лошадях козацких, украденных с нашей стороны, сам ездит; вора, который, служа у меня, покрал и на ту сторону ушел, не велел выдать: Дмитрияшку ключником, назло мне, сделал. После этого пусть царское величество рассудит, как мы можем согласиться? Как он может мне в нуждах помогать? Хорошо ли, что в Польше два гетмана беспрестанно ссорятся, один другому пакостит и Польша от их несогласия погибает? Кроме того: одною стороною Украины не только от турок, но и от орды не оборонюсь. Не обо мне дело: у меня нет детей, наберу тысячу, другую, третью нехоты, пойду в поле - и там проживу. Дело идет обо всех людях, которые от моего поступка могут погибнуть. Если царское величество возложит на меня гетманство обеих сторон, то буду стараться услужить. Если царское величество будет слушаться Самойловича, то добра не видать. Таких найдется немало, которые, сидя в покое, господствуют, о добре общем христианском не стоят. Дело понятное, что нежинский протопоп на соединение Украины под моим гетманством не согласится: тогда бы пришлось им бояться пастыря бдящего, а теперь что хотят, то творят".

Самойлович платил Дорошенку той же монетою: писал в Москву, что Дорошенко с Тукальским о том только и думают, как бы властвовать на обеих сторонах с помощью турок; что он, Самойлович, не хочет иметь с ними никаких сношений, что Дорошенко вредит ему самым нехристианским образом, присылает зажигателей на восточную сторону, и

целые города горят. Царь успокаивал гетмана, приказывал к нему, что Дорошенко принят будет в подданство только под условием оставаться гетманом на одной западной стороне. Действительно, Дорошенку велело было сказать: "Царское величество дивится, что он, гетман Петр Дорошенко, укоряет гетмана Ивана Самойловича за низкое происхождение и будто он никаких поведении Войска Запорожского не знает. Надобно ему, Дорошенку, припамятовать прежних гетманов, кроме Богдана Хмельницкого, знатной ли фамилии и знающие ли были люди Самко, Цыцура, Беспалый, Барабаш, Пушкаренко, Золотаренко, Брюховецкий: только выбраны были вольными голосами по правам Войска Запорожского, потому что государь не запрещает Войску Запорожскому выбирать гетманов. Нечего укорять Ивана Самойловича, что он с монархами не договаривался: ему этого делать нельзя, потому что он под рукою царского величества: как он, Дорошенко, своими договорами Войско Запорожское успокоил - это всему свету известно; а гетман Иван Самойлович и все Войско Запорожское на восточной стороне в покое живут. В Польше и Литве из древних лет гетманы великие и польные, а что между ними несогласие, то сделалось по воле божией, и в пример того писать не годится". Также Дорошенку велено было сказать, что сейчас нельзя сделать его гетманом обеих сторон; но если весною войска обеих сторон, вышедши в поле, захотят иметь его единственным гетманом по правам своим козацким, то царское величество его утвердит. Но Дорошенко, толкуя постоянно о правах и вольностях козацких, не хотел признать главного права козаков - права на выбор гетмана, опасаясь, что они могут воспользоваться этим правом не в его пользу. "Не подлинная это вещь, - отвечал Дорошенко, - потому что известные люди не хотят на это позволить, и я неподлинными вещами дал бы себя провести, а потом некому было бы меня защищать от турок и татар. Видя недружбу пана Самойловича, нечего мне ждать от него помощи. Мне говорят, что царскому величеству трудно сменить Самойловича! Но ведь по милости царского величества дано ему гетманство. минуя заслуженнейших людей и не спрашивая нашу братью козаков; козаки были принуждены взять его в гетманы, потому что князь Ромодановский утвердил. Так и теперь, если царское величество захочет, возможно. Хорош будет порядок, когда Войско будет в послушании двоих гетманов, в недружбе живущих! Я захочу того, он другого: может ли выйти отсюда доброе?"

Понятно, что Самойлович не мог успокоиться, зная характер и притязания чигиринского гетмана, но кроме Дорошенка он боялся еще друзей Многогрешного. "Многогрешный с советниками своими по воле ходят и, разумеется, что-нибудь умышляют. - писал гетман к черниговскому полковнику Бурковскому. - Грибович уже в Запорогах, наши своими глазами его видели, да и те (т. е. Многогрешные) неведомо где? Бог весть, что из того будет! Не хитр был и Стенька, а много беды наделал! И этим не надобно было доверять: слышали мы не раз своими ушами, что хотели стан раскинуть около самой Москвы; так, бывало, явно брешут". Разделение гетманства точно так же не нравилось и Самойловичу, как Дорошенку.

"Если оба гетмана, - говорил Самойлович царскому послу Бухвостову, - пошлют против неприятеля своих наказных гетманов, то боярин, который придет с государевыми людьми, не будет знать, которому гетману угодить? При польском владычестве никогда двух гетманов не бывало. А что гетман Богдан Хмельницкий бил челом, чтобы быть другому гетману, то он хотел дать гетманство какому-нибудь родственнику своему, да и войска в то время было на обеих сторонах много, а теперь на той стороне малолюдство; по-старому захочет Дорошенко этою стороною славен быть и подыскивать подомною. Если же царское величество хочет принять Дорошенка для отвращения турецкой войны, то война этим не отвратится; приняв Дорошенка, надобно будет его от неприятеля оборонять и поставить войска по городам: в Чигирине, в Каневе, в Умани, в Черкасах, потому что турецкий султан будет воевать Дорошенка за измену. Как поддастся Дорошенко великому государю, то будет беспрестанно посылать в Москву, прося помощи и для других дел, через наши города; эти посланцы всегда будут нам докучать, всего просить, насильно отнимать и плевелы всякие в народ пускать, и будем мы у них точно в подданстве. Дорошенко укоряет меня за низкое происхождение; но если б посмотрел и зеркало правды, то мог бы увидеть, что я не только равен, но и честнее его родом; какое же я получил воспитание у родителей моих, в том свидетель бог и люди честные: пришедши в возраст, не был я празден, но тотчас занялся войсковыми делами, проходя разные чины; после полковничества получил судейство генеральное, которое требует совершенного человечества, т. е. страха божия и рассуждения. Нарекает Дорошенко и на отца Симеона: подай бог, чтоб много таких было, как отец протопоп. Митрополит Тукальский погубил Выговского: когда король Казимир был под Севском и Глуховом, то он приводил Выговского к тому, чтобы встал на королевское величество. Выговский послушался его, писал к Серку и к Сулимке, чтоб они, собравшись с Войском Запорожским, шли к нему, а он хотел короля у Днепра перенять. Но грамоты попались Тетере, который вместе с Маховским и убил Выговского, а Тукальского в Мариенбург послали в заточение. Тукальский же погубил и Брюховецкого, прельстив его булавою на обеих сторонах Днепра. Демка Многогрешный сначала слов непристойных на государя и на синклит не говаривал, а как начал пересылаться с митрополитом и Дорошенком, то вознесся в гордость и стал говорить и писать хульные речи на государя и государство. Дорошенко погубил Степана Опару, который выбран был войском после Тетери, и сам сделался гетманом насильно, с помощью орды, а не вольными голосами".

Чтобы покончить это дело и заставить Дорошенко поддаться на всей воле великого государя или свергнуть его с гетманства, Самойловичу и Ромодановскому надобно было двинуться за Днепр, Матвеев получил письмо от протопопа Семена Адамовича: "Гетман Иван Самойлович во всяких делах совершенно на волю божию и царскую и на твое, благодетеля моего, заступление положился и ничего мимо указа царского и твоего совета не делает. Теперь по указу государеву собрался с полками в поход и дорогою узнал, что князь Трубецкой обещает Дорошенку гетманство на

обеих сторонах, обещает собрать раду чернецкую для козаков обеих сторон, Сам гетман своею рукою писал об этом ко мне; как он выходил в поход, то у нас с ним такой приговор учинился: если ему от чего-нибудь будет скорбь, то пишет ко мне, а я отписываю об этом к тебе, благодетелю моему милостивому: мы теперь по боге и по царском величестве иного, кроме милости твоей, заступника не имеем. Не отрини нас от своей милости, как начал благодетелем нам быть, так и соверши". В Киев поскакал гонец с указом Трубецкому не пересылаться с Дорошенком насчет подданства, а если Дорошенко пришлет, то отвечать, что это дело положено на Ромодановского и Самойловича: пусть с ними и сносятся. 31 декабря Самойлович рушился из Батурина и 8 января 1674 года достиг Гадяча; сюда 12-го числа пришел и князь Ромодановский; переговоривши обо всем, 14-го оба полководца выступили к Днепру, имея вместе тысяч 80 войска. Несмотря на то что Дорошенко "предавался в отеческую милость его превысочества, великого визиря", турки не защитили его на этот раз. 27 января сдался Крылов; 31 января товарищ Ромодановского, Скуратов, с русскими и козацкими полками подошел под Чигирин, выжег все посады, побил Дорошенковых людей и преследовал их до городской стены. 4 февраля Ромодановский и Самойлович заняли Черкасы. 9 февраля, только что Ромодановский и Самойлович подошли к Каневу, находившийся тут Дорошенко генеральный есаул Яков Лизогуб и каневский полковник Гурский со всею старшиною явились в табор к соединенным полководцам и били челом о подданстве царскому величеству; все каневцы были приведены к присяге. Когда в Москве узнали о начале неприятельских действий за Днепром, о взятии Черкас и о посылке Скуратова под Чигирин, то к воеводе и гетману поскакал полковник и стрелецкий голова Колобов - спросить о здоровье, похвалить за службу, но потом спросить: "Зачем боярин и гетман со всеми ратными людьми не пошли сообща под Чигирин, а послали Скуратова да полковников козацких? Те в предместье сожгли дома, в домах всякие запасы и живность и, не учиня никакого промысла над самим Чигирином, отступили назад, тогда как надобно было в предместье и в других местах устроить крепость и осадить Дорошенка в Чигирине накрепко. Тогда, видя Дорошенка в осаде, все полки начали бы сдаваться. В Черкасах великий государь указал учинить самую твердую крепость и в других местах около Чигирина, чтоб не пропускать в этот город хлебных запасов и не выпустить из него осадных людей. Если поддадутся многие полки той стороны, то собрать раду и, как съедутся полковники, начальные люди и козаки, говорить им, чтобы они выбрали вместо Дорошенка другого гетмана, доброго, досужего, особенно верного человека. Ханенка призывать в подданство". "Потому мы под Чигирин не пошли со всеми силами, - отвечали Ромодановский и гетман, - что там при Дорошенке было воинских людей больше десяти тысяч, кроме поселян, которых он согнал из окрестных мест для обороны, пушек больше двухсот и всяких запасов доволство, а замок чигиринский на каком пригожем месте поставлен - всяк бывший там знает; приступать к нему ниоткуда нельзя, шанцы в зимнее время поделать также нельзя, долго стоять без

конских кормов войску трудно, на стороне взять негде, и пришлось бы нам, постояв и войско истомя, со стыдом отступить. А теперь все делается хорошо". Ромодановский и гетман не сочли нужным оставаться на западном берегу и перешли в Переяславль с главными силами, оправдываясь тем, что с 5 до 15 февраля зимний путь был в разрушение от больших дождей, снегу по обе стороны Днепра не было, идти саням нельзя; притом же лошади падают от бескормицы и ратные люди бегут беспрестанно. Гетман говорил Колобову с великою доукою, чтобы великий государь велел распустить козацкие полки, потому что такой тяжелой службы не только не видано, но и не слыхано.

Несмотря, однако, на отступление главных вождей, дела на западной стороне шли удачно. 2 марта московский полковник Цеев с копейщиками, рейтарами, драгунами и солдатами да генеральный есаул Лысенко схватились с дорошенковым братом Григорием и с татарами за 15 верст от Лысенки и разбили наголову. Разбитые заперлись было в Лысенке, но были захвачены здесь с помощью жителей, попался в плен и Григорий Дорошенко. Узнавши об этом поражении, Гамалея и Андрей Дорошенко бросились из Корсуни в Чигирин, а оставшиеся в Корсуни полковники - корсунский, brasлавский, уманский, калницкий, подольский - добились челом великому государю в подданство. 4 марта Ханенко написал киевскому воеводе Трубецкому следующее письмо: "Покорно молю, исходатайствуй, чтобы его царское величество, как отец щедрый, пожаловал меня своею милостию. Верою и правдою служил я королю и Речи Посполитой, без опасения оставил жену и детей в Польше, безо всякого желованья кровь свою проливал, а теперь принужден бежать сюда по вражде и нестерпимой злобе гетмана Яна Собеского, который без вины старшего сына моего мучительно велел убить и на мою жизнь умышляет. Обещаюсь быть в подданстве его царского величества". Ханенко не ограничился одним письменным заявлением, но явился с 2000 козаков в полк к Ромодановскому и Самойловичу.

17 марта, в день именин царских, собралась в Переяславле рада; собрались полковники восточной стороны: киевский Солонина, переяславский Райча, нежинский Уманец, стародубский Рославец, черниговский Борковский, прилуцкий Горленко, лубенский Сербин; с западной стороны: генеральный есаул Лизогуб, обозный Гулик, судья Петров, полковники: каневский Гурский, корсунский Соловей, белоцерковский Бутенко, уманский Белогруд, торговецкий Щербина, brasлавский Лисица, поволоцкий Мигалевский. Перед начатием рады Ханенко со всем товариществом своим положил войсковые клейноты, булаву и бунчук, полученные от короля. Ромодановский объявил, что так как войско западной стороны учинилось у великого государя в вечном подданстве, то по царскому указу выбрали бы себе на свою сторону гетмана. Старшины и войско отвечали, что им многие гетманы не надобны, от многих гетманов они разорились, пожаловал бы великий государь, велел быть на обеих сторонах одному гетману, Ивану Самойловичу. Самойлович стал было отговариваться, но поднялся крик,

что им люб, старшины схватили его, поставили на скамью и покрыли бунчуком, причем изодрали платье на гетмане. Старшина была утверждена старая, и били челом, чтобы гетману Самойловичу жить в Чигирине или Каневе, а если нельзя на западной стороне, то по крайней мере в Переяславле. Потом били челом, чтобы государь велел в Чигирине и Каневе быть своим ратным людям. Ханенка сделали уманским полковником. После рады пошли все обедать к князю Ромодановскому, все уверяли, что вседушно ради служить великому государю и промышлять над бусурманами. В самый обед доложили князю, что приехал посланец от Дорошенка; не предчувствовал новый гетман обеих сторон Днепра Иван Самойлович, что в этом посланце Дорошенковым готовился ему преемник: то был генеральный писарь Иван Степанович Мазепа. Мазепа начал перед князем смиренную речь: "Обещался Дорошенко, целовал образ Спасов и пресв. богородицы, что быть ему в подданстве под высокою царскою рукою со всем Войском Запорожским той стороны: великий государь пожаловал бы, велел его принять, и боярин князь Григорий Григорьевич взял бы его на свою душу, чтобы ему никакой беды не было". "Скажи Петру Дорошенке, - отвечал боярин, - чтобы он, надеясь на милость великого государя, ехал ко мне в полк безо всякого спасенья". Тут же разнеслась весть, что Иосиф Тукальский ослеп в Чигирине.

Порадовали Москву вести из Переяславля, но беспокоило Запорожье с своим царевичем. Уже послан был указ Ромодановскому, что, если самозванец из коша пойдет куда-нибудь для воровства, посылать против него войско московское и малороссийское по совету с гетманом Самойловичем. 1 мая явился в Москву запорожский посланец Прокопий Семенов с товарищами и подал грамоту "Помазаннику божию, многомилостивому свету и дыханью вашего царского пресветлого величества верные слуги, Войско Запорожское, днепровское, кошевое, верховое, низовое, живущее на лугах, на полях, на полянках и на всех урочищах днепровских, и полевых и морских". Серко объявлял в грамоте о приезде к ним молодого человека, называющего себя царевичем Симеоном, излагал рассказ самозванца о своих похождениях, скрывши только о знакомстве с Разиным, и в заключение писал: "Сохраняем его у себя потому, что называется сыном вашего царского величества, стережем его, от нас никуда не уйдет; покажи милость посланным нашим, чтобы от вашего царского величества услышали, правда ли то?" Посланцы подали и письмо к царю от мнимого сына его: "Бью челом я, сын твой, благочестивый царевич Семен Алексеевич, который похвалился было при вашем царском пресветлом величестве, батюшке моем, на думных бояр, и за то меня хотели уморить и не уморили, потому что я и по се время твоими молитвами, батюшки моего, жив ныне на славном Запорожье при Войске Запорожском, при верных слугах вашего царского пресветлого величества. Когда, батюшко мой, сам своими очима меня увидишь и веры поимешь, когда я пред твоим царским лицом стану и к ногам паду, тогда правду мою познаешь, бог всемогий вся весть. И ныне я хотел к батюшке моему пойти, да чтоб на дороге зла какова не было, а Войско верно тебе,

батюшку моему, служит, по их войсковому челобитью пожалуй, о чем бьют челом для лучшего промыслу над бусурманы, чтобы не токмо полем доказывали над бусурманы, над неприятели и побеждали, но и водою в их прямую землю проходили и над ними знатную победу одерживали. Также, припадая низко, челом бью и жалуясь батюшку моему на Семена Щеголева да на Василья Чадуева, которые без указа вашего царского величества, взяв себе злый замысел, хотели меня из пищали застрелить". "Этот лист, - отвечал царь Серку, - нашему царскому величеству ныне и никогда не потребен. Ты презрел нашу премногую милость и свое обещание, вору и самозванцу дал печать и знамя, прежде приезда Чадуева не дал нам о нем знать, священника и знатных козаков посылал вора расспрашивать без нашего указа, с Дорошенком без нашего указа ссылался. Сын наш, царевич Симеон, скончался 18 июня 1669 года, мощи его погребены в церкви архистратига Михаила при нас, при александрийском патриархе Паисии и московском Иоасафе. И вам бы, кошевому атаману, свое обещание помнить, самозванца и Миюска прислать к нам скованных за самым крепким караулом, а пока не пришлете, посланцы ваши будут оставаться в Москве. Чайки (лодки) и пушки пришлем, сукна и золотые посланы, но удержаны в Севске, пока вора пришлете".

12 августа Серко дал знать Ромодановскому, что он отправил вора к великому государю. Серко писал в грамоте: "Человека, который именуется вашего величества сыном, мы за крепким караулом держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресветлому величеству, свету, нашему дыханию отдавали, потому что вашим прирождением именуется; теперь, как верный слуга, отсылаю его к вашему величеству, свое обещание исполнить хочу и верно служить до последних дней живота; с Дорошенком ссылался я, желая привести его на службу к вашему царскому величеству: смилуйся, великий государь, пожалуй нас всякими запасами довольными, как и на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза Переволоченского, не дал, а мы просили не для собирания пожитков, как иные выпрашивают, просили на защиту веры христианской. Все поборы, которые с христиан на Украине берут, вашему величеству не доносят, а нам и одного перевозу не дают".

17 сентября у земляного города против Смоленских ворот стоял целый приказ московских стрельцов с головою Яновым, принимали вора и самозванца, ставили на ту самую телегу, на которой везли Стеньку Разина, приковывали руки к дыбе и за шею. Кончивши эту церемонию, повезли Тверскую улицу в Земский приказ. В тот же день все бояре, окольнічие и думные люди собирались на земский двор для розыска.

"Я породы польской, роду Вишневецких, звали отца моего Еремеем, меня зовут Семеном. Отец мой жил в Варшаве, под Варшавою поймали меня немцы и продали на реке Висле купцу глуховскому, а тот продал литвину. Жил я в Глухове недель с пять и сбежал с товарищами, шли на Харьков и Чугуев к Донцу, с Донца на Дон, с Дону пошел я с Миюском в Запороги и

хотел идти в Киев или в Польшу; но Миюска начал мне говорить, чтоб назвался я царевичем; я таким страшным и великим именем назваться не смел, но Миюска хотел меня убить, и я из страха назвался. А больше еще Миюски принудил меня к такому страшному имени Серко, хотели было, собравшись, идти войною на Московское государство и думали бояр побить. Стеньки Разина я не знал, узнал его уже в то время, как привели его козаки на Дон скованного".

Повели в застенок, подняли:

"Я мужичий сын, жил отец мой в Варшаве, был мещанин, подданный князя Дмитрия Вишневецкого, пришел жить в Варшаву из Лохвицы, звали его Иваном Андреевым, прозвище Воробьев, а мне прямое имя Семен; воровству учил меня Миюска, который породю хохлач. Хотели мы собрать войско и, призвав крымскую орду, идти на Московское государство и побить бояр".

С огня говорил те же речи.

Того же числа великий государь указал, и св. патриарх Иоаким, бояре, окольниковые и думные люди приговорили вора и самозванца казнить такою же смертию, какою казнен Стенька Разин. Приговор был исполнен в тот же день; на Красной площади самозванец казнен и на колья разбит, а на другой день перенесен на болото и поставлен с Стенькою Разиным. И пожаловал государь кошевого атамана Ивана Серка, велел послать два сорока соболей, по 50 рублей сорок, да две пары, по семи рублей пара. Серко бил челом: "Устарел я на воинских службах, а нигде вольного житья с женою и детьми не имею, милости получить ни от кого не желаю, только у царского величества: пожаловал бы великий государь, велел дать в Полтавском полку под Днепром городок Керберду". Городок атаману и Переволоченский перевоз войску были даны. Успокоились насчет Серка; но надобно было управляться с Дорошенком, который не думал приезжать в Переяславль и отдаваться в руки Ромодановского и ненавистного Самойловича, теперь гетмана обеих сторон Днепра. Уже 5 мая написана была в Москве царская грамота к Дорошенку: "Ведомо нам учинилось, что ты ныне по неприятельским прелестным письмам под нашу высокую руку несклонен, в мысли своей сумневаясь, непостоянен и начал быть в шатости, беспрестанно ссылаешься с турецким султаном и с крымским ханом. А мы, великий государь, имеем надежду на господя бога и на пресвятую богородицу, в которой надежде были и предки наши, и отец наш, и мы, великий государь, живем и движемся, и царство наше в ее жребии. А если что по твоему навету случится от бусурманского нашествия святым Божиим церквам и монастырям, и в том какой ответ дашь в день страшного суда Божия? Вспомни прежних гетманов, не сохранивших своего обещания, Выговского и других! Где их жены и дети? Не в сиротстве ль и не в нищете ль пребывают? И тебе бы, помня это, учиниться под нашею высокою рукою в подданстве без отлагательства, не

опасаясь нашего гнева; а мы тебя и все твое родство будем держать в своем милостивом жалованье".

25 мая приехал в Чигирин посланец от Ромодановского, стрелецкий сотник Терпигорев. "Будь в подданстве у великого государя, - говорил сотник Дорошенку, - и ступай в Переяславль к боярину и воеводам для присяги; сам не хочешь ехать, пошли тестя своего, Павла Яненка, или брата Андрея, или других каких-нибудь знатных людей в заложники, и боярин пришлет к тебе голову московских стрельцов для переговоров". "Ничего этого сделать мне теперь нельзя, - отвечал Дорошенко, - потому что я подданный турецкого султана; сабля султанова, ханская и королевская на моей шее висят. Прежде я хотел быть в подданстве у царского величества, но старшина и полковники решили быть в подданстве у султана; а что теперь старшина и полковники перешли в подданство великого государя, так это только для соболей, не вечно, после изменят. Если боярин и гетман придут под Чигирин, то я рад им отпор давать, только бы татар дожидаться, да и без того татары у меня есть". Терпигорев был задержан. Дело объяснялось тем, что к Дорошенку пришли на помощь татары в числе 4000 и вместе с чигиринскими козаками в мае же месяце осадили Черкасы, где сидел московский воевода Иван Вердеревский: осажденные отбили неприятеля и гоняли его на пространстве 15 верст до реки Тясмина. Брат Дорошенка Андрей с козаками серденятами и *черемисами* взял обманом местечки Орловку и Балаклею. сказавшись царским подданным. Жители были отведены в плен татарами, а старшине буравом глаза вывертели, других повесили. Но жители Смелого не дались в обман, разбили Андрея и гнали его до Чигирина. По этим вестям Ромодановский и Самойлович отпустили за Днепр рейтарского полковника Беклемишева да переяславского полковника Дмитрашка Райчу с 5 козацкими полками; 9 июня у речки Ташлыка, между городков Смелого и Балаклеи, Беклемишев и Райча сошлись с неприятелем и поразили его; много мурз полегло на месте, Андрей Дорошенко ушел раненный. Чтоб получить поскорее новую помощь от татар и турок, Дорошенко отправил к хану и султану уже знакомого нам Ивана Мазепу с 15 невольниками, козаками восточной стороны, в подарок. Но Серко перехватил Мазепу, задержал его у себя, а грамоты переслал к Самойловичу, который препроводил их в Москву. "Знатно, - писал Самойлович, - что Серко сделал это для объявления своей верной прежней службы, чтобы исправить свой нерассудительный поступок". Серко сделал еще больше: по первому требованию Ромодановского прислал к нему самого Мазепу, но при этом Серко писал Самойловичу, прося прилежно со всем войском, чтобы его никуда не засылали. Так назывались польские татары, изменившие королю. Самойлович дал слово и просил царя отпустить Мазепу назад, а то войско и так уж попрекает ему, гетману, будто он посылает людей на заточение.

Мы познакомились с Мазепою мельком, когда он приезжал в Переяславль от Дорошенка, при котором был генеральным писарем. Но до нас дошло несколько известий и об его предыдущей судьбе. Мазепа был родом козак,

получил шляхетство от короля Яна-Казимира и был при нем комнатным дворянином. Рассказывают, что он должен был оставить Польшу по следующему случаю: у него было имение на Волыни. по соседству с паном Фалбовским. Слуги донесли последнему, что сосед Мазепа часто бывает у них в его отсутствие и очень благосклонно принимается госпожою, с которою у него идет постоянная переписка. Однажды Фалбовский выехал куда-то в дальний путь; на дороге нагоняет его холоп, везущий письмо от госпожи к Мазепе с приглашением приехать, потому что мужа нет дома. Фалбовский велел слуге ехать к Мазепе, отдать письмо, просить скорого ответа и привезти этот ответ к нему. Посланный скоро возвращается с запиской, что Мазепа летит на свидание. Фалбовский берет письмо и ждет на дороге. Мазепа едет: "Доброго здоровья!" - "Доброго здоровья!" - "Куда изволите ехать?" Мазепа выдумывает какое-то место, куда будто бы нужно ему ехать. Тут Фалбовский хватает его за шею: "А это что? Чья это записка?" Мазепа обмер; просит извинения, говорит, что в первый раз едет. "Холоп! - кричит Фалбовский слуге. - Сколько раз пан был у нас без меня?" "Столько же, сколько у меня волос на голове", - отвечает слуга. Мазепа должен признаться во всем, но признание не помогло. Фалбовский велит раздеть грешника донага и привязать на его же собственную лошадь, лицом к хвосту. Раздраженная ударами кнута, испуганная выстрелами, раздавшимися над ее головою, лошадь понеслась изо всех сил домой через чащу леса и остановилась прямо у ворот панского дома. Выходит слуга и видит - чудовище! Бежит назад, созывает всю дворню, и та насилу признает своего пана. Это было в 1663 году; но в том же году Мазепа получил важное поручение - ехать к гетману Тетере и от него по благоусмотрению гетмана ехать или к Самку в Переяславль уговаривать его поддаться королю, или в Запорожье подговаривать тамошних козаков также отстать от Москвы. Как исполнено было поручение, мы не знаем; но, по всем вероятностям, Мазепа, не желая возвращаться в Польшу, где и до происшествия с Фалбовским не любил его как козака, остался у западных козаков, где при своих способностях и образовании дослужился до звания генерального писаря.

Теперь вместо Константинополя Мазепа является в Москве в виде пленника, которого участь еще нисколько не обеспечивалась просьбою Самойловича. Мазепу повели к допросу в Малороссийский приказ перед начальника его, Артамона Сергеевича Матвеева. Мазепа спешил выиграть расположение царского любимца длинным, обстоятельным ответом; знали, что он приезжал в Переяславль с обещанием подданства от Дорошенка, а потом поехал в Крым поднимать хана на государевы украины, и вот Мазепа начал рассказ с поездки своей в Переяславль. "Присылали к Дорошенку старшина города Лисенки, объявляя, что они поддались царскому величеству, чтобы он также поддался, ехал бы к ним на раду в Корсунь и привез с собой булаву и бунчук. Дорошенко послал меня с отписками к той старшине да со мною же послал лист к князю Ромодановскому, а при отпуске велел мне присягу учинить на том, что я не останусь в Корсунь у жены и, будучи на раде, стану говорить боярину и

старшине восточной стороны по его, Дорошенкову, приказу, а приказывал он говорить старшине: если они добьются того, что ему быть гетманом на той стороне Днепра, то он готов быть в подданстве у государя; если же ему гетманом быть не велят, то чтоб знатные государевы люди при мне присягнули, что ему ничего дурного не сделается. Но когда я приехал в Переяславль, то в тот самый день рада уже вершилась до меня, и я один Дорошенков лист отдал боярину, а другой - старшине. Князь и гетман писали со мною к Дорошенку, чтоб приезжал к ним безо всякого спасенья. Он отвечал, чтобы прислали в Черкасы честного человека, а он пришлет от себя в атаманы своих людей. Боярин прислал в Черкасы голову московских стрельцов. Тогда Дорошенко созвал раду в Чигирине и спрашивал: посылать ли аманатов в Черкасы или нет? Положили - посылать; но вот пришла весть из Крылова, что идут Серковы посланцы; аманатов задержали, хотели прежде узнать, что скажут запорожцы. Те объявили, что Дорошенко булавы и бунчука в Переяславль не отдавал и сам бы не ехал, потому что гетман должен быть по-прежнему на западной стороне; что запорожцы хотят соединиться с ним и с ханом крымским заодно, как было при Богдане Хмельницком, писали они к хану, чтобы он помирил Серка с Дорошенком, чтобы Дорошенко для подтврждения гетманства и для союза ехал в Запорожье. Дорошенко на Запорожье не поехал, опасаясь государевых людей, а присягнуть вместо себя послал козака. Я стал проситься у Дорошенка, чтобы отпустил меня к жене в Корсунь. Ты хочешь изменить! - сказал мне на это Дорошенко. - Видно, тебя Ромодановский соболями прельстил! Велел мне при митрополите Тукальском присягнуть, что буду служить ему вперед и, будучи в Переяславле, не говорил ли про него чего дурного? Я присягнул, и дней через пять послал меня к визирю турецкому с листами".

Служа великому государю, Мазепа объявил: "Дорошенков резидент в Константинополе Порывай писал: хан крымский конечно на том положил - помирать поляков с турками и обратить войско на Московское государство", Мазепа рассказал кой-что и о самозванце Семене, который был при нем в Запорожье: Серко называл его прямым царевичем и сказал мне: просит царевич у него войска ста с два и с ними хочет ехать на остров Чертомлик, а оттуда писать на Дон к черни, чтобы на Дону всех старшин вырубали и к нему приклонились; а когда чернь приклонится, то он, собрав по городам людей, пойдет к Москве. Серко ему говорил: "Зачем тебе собирать войско? Если хочешь ехать в Москву, то я тебя и так отпущу с провожатыми". "Нельзя мне ехать в Москву, - отвечал самозванец, - меня бояре убьют". С тех пор Серко велел его беречь, чтобы он куда-нибудь не уехал из Сечи. А как были у Серка царские посланцы, то вор, взявши лошадей, гонял за ними, хотел их порубить; Серку дали знать, и он тотчас послал за ним козаков, которые не дали ему убить посланцев.

Мазепа был неистощим в важных показаниях: "Крепка и подлинна приязнь у Собеского с Дорошенком. Приезжал Ореховский в Чигирин уговаривать Дорошенка, чтобы, покинув протекцию турецкую, обратился в подданство

к Речи Посполитой; Ореховский подал и статьи, на которых должно было свершиться это подданство: 1) Быть комиссии о том, какие убытки униаты сделали церквам православным в Польше и Литве. 2) Границе Войска Запорожского быть до воеводства Киевского и Браславского; однако обывателям этих воеводств должен быть сыскан особый способ вознаграждения от Войска Запорожского. 3) Войскам польским кварцянским никогда в Украине не быть, разве только само Войско Запорожское их потребует. 4) Дорошенко должен послать в Варшаву бунчуки турецкие: если же по каким-нибудь причинам нельзя бунчуков прислать, то пусть придет брата с другими козаками в аманаты, за что Собеский обещал выпроводить коменданта из Белой Церкви. И то положено между статьями: нечего упоминать и просить у Речи Посполитой таких вольностей, какими козаки пользуются на восточной стороне под Москвою. Какие это вольности? Посмотри, что терпит народ под воеводами московскими? Гетман нынешний выбран не по вольностям и правам войсковым, под бердышами и мушкетами; дети его забраны в неволю в аманаты; власть вырвана у гетмана из рук, потому что виновных козаков наказывать не может, а должен отсылать их в Москву в неволю; наконец, бесчестье Многогрешного! Собеский указывал Дорошенку средство защиты от царской рати: послать в Варшаву с предложением подданства, а он, Собеский, тотчас напишет царю грамоту, чтобы не велел своим войскам наступать на подданного Речи Посполитой. Поляки, - продолжал Мазепа, - просят хана и Дорошенка, чтобы уговаривал султана помириться с Польшею и поднять войну на Московское государство. Турки говорили: какие разумные люди ляхи! Вместо того чтобы нам у них в Кракове обедать, будем теперь под Киевом ужинать. Резидент Дорошенка в Константинополе писал гетману: не кручинься, что потерял Украину, нетрудно ее назад взять: нет у вас на Украине Крита и Каменца-Подольского. Султан нынешней войною хочет взять Хмельницкого из неволи с собою про запас: если бы Дорошенко изменил, то Хмельницкого на его место поставить". Мазепа объявил подробно и о средствах Дорошенко в Чигирине: всего и с чигиринскими жителями около 5000 человек. Пушек больших и малых в обоих городах с 200 будет: пушечных запасов много; хлебных запасов у жителей будет на год, а у ратных запасов никаких нет и солью очень скудно. Дорошенко говаривал тайно: как послышу приход Москвы, то побегу из Чигирина к турецкому султану; а теперь он сидит в осаде разве для того, что есть к нему грамоты от турецкого султана или Собеского о помощи. Большая половина чигиринских жителей Дорошенка не любят, желают, чтобы он поддался царскому величеству, а родичи и приятели в одной с ним думе. Сотник Блоха уговаривает конных козаков тайно, чтобы соединились с войском царским. Дорошенко и старшина говаривали между собою, что если придет под Чигирин царское войско, то им лучше вести переговоры с князем Ромодановским, чем с своими козаками.

Мазепю остались очень довольны в Москве: он видел царские пресветлые очи, пожалован государским жалованьем и отпущен без задержанья;

отправлена с ним призывная грамота к Дорошенку и чигиринским жителям; но Иван Степанович отправлялся в Чигирин не с тем, чтобы там остаться: он должен был возвратиться в полк к Ромодановскому и гетману, которым наказано было беречь его, чтобы никуда не ушел.

Отправляя в Москву Мазену, Самойлович бил челом, чтобы государь отпустил к нему сыновей его. "Твои дети, - был ответ, - пребывают при его царском величестве в премногой милости, которая никогда отменна не будет; отпустить же их к тебе за нынешними украинскими смутами невозможно, чтобы украинские народы непокорные не подумали, что гетманские сыновья высланы из Москвы по немилости". Предлог отказа был не очень искусно придуман, но пример четырех гетманов заставил Москву быть подозрительною.

Между тем военные действия продолжались на западной стороне. 23 июля Ромодановский и Самойлович подошли к Чигирину, поделали шанцы и начали беспрестанную стрельбу в город. Много домов было разбито, много козаков и горожан перебито и переранено. Дом Тукальского также был разбит гранатами; митрополит ушел в верхний город и там заболел от страха; крымский хан прислал своего доктора лечить его. В конце июля московские войска под начальством копейного и рейтарского строя полковника Сасова и других чинов начальных людей, а малороссийские под начальством бунчужного Леонтья Полуботка и черниговского полковника Борковского отправились под Чигирин с крымской стороны. В двух верстах от города встретил их брат гетманский. Андрей Дорошенко был разбит, победители преследовали его до городской стены и истребили весь хлеб в окрестностях Чигирина, потерявши только шесть человек убитыми и одного прапорщика, взятого в плен. Но в то же время пришла весть, что крымский хан переправился через Днестр под Сорокою, где строят мост для переправы самому султану со всем турецким войском, которое двинется в Умань, а из Умани прямо под Киев. 6 августа турецкий отряд явился под Ладыжином. Здесь сидел известным своими партизанскими подвигами против татар и турок грек Анастас Дмитриев, из купца ставший начальником вольной сбродной дружины, козацко-польско-волошской. С Анастасом же заперлись в Ладыжине полковник Мурашка и Савва; ратных людей было 2500 человек да мещан с женами и детьми с 20000, из них боевых людей тысячи с четыре, пушка одна, и та испорчена, вал худой, запасов никаких. 80 турецких пушек загремело против города. Мурашка с протопопом и сотником перебежали в неприятельский стан; но защитники Ладыжина выбрали в полковники Анастаса, чтоб биться до смерти. Отбивши пять приступов, ладыжинцы отчаялись, сдались и были все объявлены пленными. Анастас, переодетый, пошел за простого мужика и успел потом освободиться из плена. Мурашку взяло раскаяние: стал он браниться, называл визиря и султана воришками, проклинал Магомета и потерял голову.

Из-под Ладыжина турки двинулись под Умань. Уманцы сдались; турки, оставя залогом в их городе, двинулись далее по Киевской дороге; но уманцы, раздраженные насилиями турецкого гарнизона, перерезали его и заперлись в городе. Визирь и хан, услыша об этом, возвратились и взорвали Умань подкопом. С другой стороны татары пошли освобождать Чигирин; но, как скоро 9 августа появились они под городом, Ромодановский и Самойлович отступили к Черкасам, куда пришли 12 августа. На другой день явились к Черкасам и хан с Дорошенком: от второго часа дня до вечера был бой; государевы люди, как доносили воеводы, многих татар и козаков побили и пришли в обоз в целости; но выходцы из неприятельских полков объявили, что хан и Дорошенко переправляются на восточную сторону Днепра, а турецкий визирь от Ладыжина прямо идет на Черкасы. По этим вестям Ромодановский и Самойлович сожгли Черкасы, оставленные еще прежде жителями, переправились на восточную сторону и стали против Канева. В то же время татары явились с азовской стороны; подошли под степные города Змеев и Мерехву и побрали многих жителей в плен; но харьковский полковник Григорий Донец выступил против них, настиг за Торцом, на речке Бычку, побил наголову, освободил всех пленников, захватил мурзу татарского и одного знатного турка.

Страх, нагнанный на Украину турецким и татарским нашествием, не был, однако, продолжителен: в первых числах сентября турки были уже на дороге в свою землю; хан и Дорошенко, проводя султана до Днестра, повернули назад и сначала, казалось, имели намерение перейти на восточную сторону Днепра: загоня их уже явились здесь, но были побиты, и 8 октября хан отправился в Крым. Из Польши присланы были к Ромодановскому и Самойловичу грамоты с убеждениями идти вместе с королевским войском промышлять над неприятелем; но и воевода, и гетман были далеки от этого. Гетман говорил присланному к нему подьячему Щеголеву: "Поляки пишут ко мне и к князю Григорью Григорьевичу, чтобы теперь выйти с ними промышлять над неприятелем. Лукавый народ! когда неприятель отступил и слуху об нем нет, тогда они о соединении войск пишут. Тут явная их неправда, потому что беспрестанно с султаном и ханом тайные договоры чинят. Спрашивается, кого теперь воевать, против кого стоять, под которые города ходить? В Валахию и Молдавию незачем: и без них разорены турками; если же им надобны Молдавия и Валахия, так пусть идут, им ближе. Под Чигирин идти - чем самим сытым быть и лошадей кормить? Около Чигирина и других мест степи, как пахотная земля, черны. Для чего поляки пропустили на нас с боярином султана, визиря и хана, для чего с тылу над ними не промышляли? Лживые их поступки я подлинно знаю: турецкая и крымская на Украине война не от одного Дорошенка, поляки сами рады были, чтобы обе стороны Днепра и Киев из рук царского величества вырвать, и явно Украину отдали таким образом: калга, султан крымский, во всю прошлую зиму стоял в Волошской земле и беспрестанно с Собеским ссылался, и, пока не договорились, никто в Украину не смел вступать; а как

договорились, что султану, визирю и хану их, поляков, не воевать и разоренья никакого не чинить, тогда неприятелю в Украину и под Киев вольную дорогу отворили, тогда турки и татары в Украину вступили и что хотели, то и делали. Слыша о таких их злых поступках, я усматривал всяких способов, как бы тот их злой совет и союз прекратить, и господь бог такой способ мне дал: как взят был Гришка Дорошенко на бою, то у него взято 8 листов белых за Дорошенковою рукою и печатью войсковою: дал ему Дорошенко эти листы с приказом писать от его имени в города к старшине и посольству. На одном таком листе велел я написать по-польски от Дорошенкова имени к калге крымскому, что Собеский хитрыми своими поступками учинился королем польским и чтобы калга боялся хитростей королевских. В это время был в Межибожье польский комендант; я велел полковнику Райче передать лист к коменданту, будто перехватили его на дороге, а комендант переслал к королю. Когда мы с боярином отступили от Чигирина, а хан с Дорошенком на нас напирал, то вдруг прибежал от султана гонец, чтобы хан с Дорошенком, оставя все, шли под Умань, потому что поляки начали договор нарушать, и, дождавшись хана и взявши Умань, султан дальше не пошел, а хану на нашу сторону Днепра ходить не велел. Приезжал после того к нам полковник польский Лазицкий и сказывал: враг-то, Дорошенко, писал к крымскому калге, будто король на престоле сел хитрыми поступками; до этого времени король был к Дорошенку совершенно милостив и во всем его остерегал; а теперь, когда так делает, то рук наших не уйдет. Таким образом, прошлая турецкая и крымская война отвратилась моею службою, этим листом, который я послал межигбожскому коменданту. Теперь Дорошенко, слыша, что король на него сердит, просит прощенья и обещается ему служить для того, чтобы короля задержать и между тем крымского хана вызвать, как прежде клялся быть под рукою царского величества и вызвал султана с визирем и ханом. А на все зло подучает его кошевой Серко. Была у Дорошенка с митрополитом Тукальским рада; митрополит говорил: нас никто не любит, и жить тут нам нельзя, пойдем к султану и будем бить челом, чтобы дал место, тебя пусть сделает господарем волошским, и я буду там же. На том и постановили и, пожитки свои в сундуки прибрав, живут в готовности, смотрят времени".

Движение польских войск, занятие ими некоторых городов на западном берегу взволновало восточную сторону, пронесся опять слух, что царь хочет уступить королю Киев и восточную сторону; надобно было писать уверения, что государь не только Киева и восточного берега, но и западного не уступит Польше. Самойлович радовался этим уверениям, но не переставал возбуждать в Москве подозрения относительно польских замыслов на Малороссию. В народе ходили слухи, что поляки непременно перейдут на восточную сторону; с другой стороны, шел слух, что царь сам явится с войском в Малороссию. Одни радовались царскому приезду, а другие говорили, что царь приедет в Путивль для того, чтобы Украину снести заодно с королем; царь пойдет от Путивля, а король от Киева. Государь писал Ромодановскому, что если действительно неприятеля уже

нет в Украине, то он, воевода, может отступить к московским границам и распустить ратных людей, так же и гетман Самойлович может идти в Батурин, но должно оставить в Переяславле молодого князя Михайлу Ромодановского с отрядом московских ратных людей, у которых есть еще запасы и которые, следовательно, могут еще продолжать службу; так же и Самойлович должен оставить в Переяславле отряд козаков, выбрав им наказного гетмана. На это Ромодановский отвечал любопытною грамотою: "Ратные люди Севского и Белгородского полков, будучи на службе в беспрестанных походах полтора года, изнуждались, наги и голодны, запасов у них вовсе никаких нет, лошадыми опали, и многие от великой нужды разбежались и теперь бегут беспрестанно, а которых немного теперь осталось, у тех никаких запасов нет, оставить их долее на службе никак нельзя; и мне в разлучении с сынишком своим Мишкою за скудостью и безлюдством быть нельзя. Теперь я, государь, с ним и не врозни, и то живем с великою нуждою; убогие мои малые худые деревнишки без меня разорились вконец, потому что служу тебе на Украине 22 года беспрестанно, да и сынишка мой Мишка служит шесть лет без перемены, а другой мой сынишка, Андрюшка, за тебя разлив свою недозрелую кровь, в томительной нужде в крымском полону, в кандалах живот свой мучит седьмой год". Царь велел отцу идти в Курск, а сына отпустить в Москву для свадьбы.

Гетман возвратился в Батурин отдохнуть от трудов военных; но внутренние враги не хотели дать ему отдыха, и опять пошли старые слухи, что государь хочет возвратить Многогрешного из ссылки и поручить ему часть войска. В начале 1675 года царь должен был в своей грамоте уверять Самойловича, что этого никогда не будет, и требовал казни плевосеятельным людям. С другой стороны, Лазарь Баранович доносил на протопопа Симеона Адамовича. Еще в сентябре 1674 года был в Малороссии стряпчий Бухвостов для объявления тамошним начальным людям о рождении царевны Феодоры Алексеевны. Прежде всего явился он к Лазарю Барановичу, и тот начал говорить ему: "Когда приедешь в Москву, извести, что от нежинского протопопа Симеона Адамовича проходят многие лукавства, ссылается он тайно с турецким султаном и с Дорошенком, в грамотах своих хвалит султана, что войсками своими из дальних стран обороняет Дорошенка, а царское величество, будучи в пятистах верстах, жителей обеих сторон Днепра не обороняет. Этим протопоп приводит малороссийских жителей ко всякому злу; письма его у меня в руках. Я их ни с кем не пошлю; сам я хотел ехать в Москву вскоре, да упрашивает меня гетман не ездить; а как я буду в Москве, то не только про эти письма, и о других делах великому государю извещу". Разумеется, в Москве не могли не удивиться, когда тот же самый протопоп приехал по делам архиепископа, привез его книги - *Трубы*. Баранович просил, чтобы государь велел взять все книги в казну и заплатить деньги; ему отвечали, что государь *Трубы* похваляет, но в казну взять и по монастырям неволею раздавать не указал, указал продавать их повольною ценою, как в Российском царстве с Печатного двора всякие книги продают, а в неволю

книг никому не дают и в монастыри не намечивают. Как же распорядилось правительство относительно продажи книг Барановича? В апреле месяце 1675 года по указу великого государя боярин Арт. Серг. Матвеев приказал раздать мещанам в лавки сто две книги киевской печати в переплете *Трубы духовные*, ценою по 2 рубля с полтиной книга, итого 255 рублей; велеть им те книги продавать с великим радением по настоящей цене неоплошно, а раздать мещанам книги с распиской, кому можно верить, самым лучшим людям, не бражникам, чтобы было кому верить и на ком можно взять; а деньги велеть собрать в нынешнем апреле месяце без недобору. Это называлось тогда: в неволю книг никому не давать! Баранович просил, чтобы позволено ему было завести типографию в Чернигове: просьба была исполнена; просить прислать ему сукна и лисьих мехов: сукна и меха были отосланы.

Царь уверял Барановича и гетмана, что не отдаст никогда Киев полякам; гетман клялся, что никогда не поддастся королю, но доносил, что запорожский кошевой Серко не такого образа мыслей: когда король вступил в западную Украину, то на кошу началась шатость; Серко говорил: "При котором государе родились, при том и будем пребывать и головы за него складывать, и если бы войско не захотело идти к королю, как государю своему дедичному, то я, Серко, хоть о десяти конях поеду поклониться государю своему". Схвачен был в Нежине, отослан к гетману и казнен им *плевосеятель*, толковавший об измене и в восточной Украине. Эти события поддерживали недоверчивость московских воевод и печальную привычку называть малороссиян изменниками. Архимандрит Новгорода-Северского Спасского монастыря Михаил Лежайский пишет к Матвееву: "Не ведаю, за что порубежные воеводы наших украинцев изменниками зовут: изволь предварить, чтобы воеводы в таких мерах были опасны и таких вестей ненадобных не начинали и малороссийских войск не озлобляли; опасно, чтобы от малой искры большой огонь не запылал". Вследствие этого к порубежным воеводам был послан указ с большим подкреплением, чтобы малороссиян изменниками не называли, жили с ними в совете и во всяком приятстве, а если вперед от них такие неподобные и поносные речи пронесутся, то будет им жестокое наказание безо всякой пощады. Самойлович не переставал доносить на Серка, будто он хочет идти к Астрахани и сибирским странам в надежде на калмыков. 23 апреля гетман писал Матвееву: "Бог видит совесть мою, что не из ненависти какой-либо объявляю об атамане Иване Серке. Постом великим был у нас писарь запорожский и тайно объявил на Серковы замыслы, со слезами прося, чтобы до времени оставалось тайною; знатным козакам, находящимся в Запорожье, Серко постоянно говорит: как предки наши не служили государству московскому, так и нам не надобно служить, а держаться дедичного государя; если вы не позволите помогать, то хотя с десятком сам пойду к королевскому величеству. А что меня на Москве к присяге привели, то присяга невольная, мне она ни во что; а что меня из Сибири освободили, то я об этом не просил никого: мог я выйти и другим способом. Тот же писарь говорил: как посылал его Серко к царскому

величеству с самозванцем, то приказывал бить челом о местечке Кереберде, причем говорил: "Коли бы не догадались и отдали мне его! Тогда бы мог жену из Слободских полков вывести, знал бы я тогда, что начать!" Это местечко ему на злое дело надобно, потому что лежит на днепровском берегу выше всех городов Полтавского полка, а в тех краях живут все люди западной стороны. Серко, в измену Брюховецкого, взбунтовавши несколько городов около себя, жителей их посадил в Кереберде, где прежде людей не было. Теперь запорожцы отправили посланцев своих к великому государю, а к нам о том ни одного слова не написали: царский указ, чтобы писали к нам, о чем хотят бить челом, пошел ни за что. Теперь их с таким бездельем с полтора ста было пошло, насилиу разогнали, а дорогою идучи, в городах бесчинства делают; у нас это уже вывелось было; при Брюховецком им это позволялось, что грех и стыд перед знатными людьми припомнить; мы им больше терпеть не будем, чтобы не смели нами пренебрегать".

Самойлович поссорился и с отцом протопопом, Симеоном Адамовичем, писал к Ромодановскому: "Объявляю вашей милости печаль мою и жалость, которые причинил мне приятель мой Симеон, протопоп нежинский: как ехал он в Москву с книгами архиепископскими, то я ему никаких дел не поручал, потому что по милости великого государя всякие вести и указы и без него к нам доходят, а он там оглашает нас нестаточными делами перед высокими людьми, сам не имея в себе постоянства, а уж пора бы ему перестать от того. Я здесь несколько свидетелей надежных имею, что он несколько особ здесь обнадежил: какие захотят они чины, то в Москве им промыслит, не откажут ему там ни в чем, и добрых людей своими вымыслами потерял". В мае явились в Москву запорожские посланцы с грамотою от Серка. Кошевой писал, что король польский зовет их к себе на службу, но что они не могут двинуться без указа царского; просил, чтобы гетман Самойлович шел вместе с ними на Крым и тем отвлек хана от подания помощи султану, жаловался, что перевоз на Переволоке не отдан им, просил, чтобы отданы были на Запорожье клейноты, бывшие у Ханенка. Но известия Самойловича произвели свое действие в Москве. Серку отвечали, чтобы к польскому королю не ходил, а шел один с своими запорожцами на море. Клейнотов отдать нельзя, потому что они вручены Ханенку королем Михаилом, а Ханенко отдал их гетману Самойловичу; о перевозе послан указ к гетману. Этот указ состоял в том, чтобы гетман учинил по своему рассмотрению. Приезды запорожцев были накладны казне, как прежде приезды крымцев: так, теперь ехало их человек полтора ста, да гетман Самойлович всех не пропустил, приехал только 41 человек. Царь послал указ на Запорожье, чтобы вперед ездило не более десяти человек, если же приедут лишние, то будут кормиться на свой счет. В июне Самойлович дал знать, что на Запорожье приехал королевский посланец Завиша; Серко, как будто бы за тем, чтобы проводить посла, выступил в поле с большим отрядом войска; но запорожцы, заподозрив, что Серко прямо хочет идти к королю, остановились в степи, выбрали себе другого старшину и возвратились на

кош, а Серко только с 300 преданными себе людьми отправился вместе с Завишею. Но оказалось, что он ходил на крымские юрты за добычею и языками и возвратился на Запорожье.

В то же время царя беспокоила смута в Каневе, этом важном по близости к Чигирину городе. В марте 1675 года каневский воевода князь Михайла Волконский писал к князю Ромодановскому, что в Каневе только два приказа московских стрельцов, и те неполны: многие разбежались от голов стрелецких, Карандеева и Лупандина, от нестерпимых побоев, в остатке только 1600 человек. Волконский жаловался, что головы его не слушаются, во всем ему отказали. Но головы объяснили дело иначе: присланы в Канев деньги на хлебную покупку стрельцам, а Волконский хлеба не покупает и деньгами стрельцам не дает, отчего стрельцы мрут и бегут; воевода призывает к себе городских войтов и бурмистров и перед ними бранит голов, называет их изменниками, рассказывает, будто они хотят отъехать к Дорошенку. Пятидесятники, десятники и рядовые стрельцы подтвердили грамоту голов, приславши к Ромодановскому жалобу, что воевода задерживает их жалованье. Царь велел послать Волконскому грамоту с угрозою, что если вперед будет так поступать, то подвергнется жестокому наказанью. Но Волконский прислал новую жалобу на голов: "Держат они у себя другие ключи от ворот городовых и отпирают тайком от меня. 7 марта был я в церкви, и когда после обедни шел домой, то Карандеев и Лупандин дождались меня на паперти и начали бранить непристойными словами, похвалялись бить; велели деньщикам своим взять у меня солдатского полкового подьячего, били его ослопами и задержали у себя; от страха я сию на своем дворишке запершись".

Ссору между воеводою и стрелецкими головами утишили: Карандеев и Лупандин обещали слушаться воеводу. Но скоро Волконский столкнулся с другими людьми, посильнее голов стрелецких. 14 июня в съезжую избу к воеводе привели лазутчика, схваченного на площади. С пытки, после троекратного поджаривания, лазутчик объявил: "Прислал меня Дорошенко с листом к здешнему полковнику Ивану Гурскому; полковник взял у меня лист и положил за пазуху, потом кликнул челядника своего, велел мне дать хлеба и проводить к матери своей в дом, где бы я мог прожить до известного времени". Привели челядника полковничья, поставили на очную ставку с лазутчиком: челядник сначала заперся, но с пытки объявил, что все показания лазутчика справедливы. Полковник Гурский заперся; тогда воевода отдал его на береженье стрелецким головам Карандееву и Лупандину и немедленно дал знать об этом происшествии государю, прося указа. Воеводская грамота пришла в Москву только 25 июня; 27 июня царь отвечал Волконскому, что послан указ гетману взять Гурского, челядника его и лазутчика из Канева к себе в Батурин и, разыскав подлинно, указ им учинить по их войсковым правам. Ответ этот не мог прийти в Канев ранее десяти дней, а между тем известие о каневском происшествии возбудило сильное негодование в Батурине: воевода отдал полковника под караул! Гетман писал Матвееву, что Гурский - человек добрый и слуга царю

верный, вины его никакой нет; писал, что Дорошенково войско хотело перейти в Канев и поддаться государю, но, узнав, какая в Каневе смута, отложило свое намерение: "Для того прошу вашу боярскую милость, изволь вступиться, как особенный наш малороссийский ходатай, чтобы в чести были у великого государя наши войсковые вольности и указы его же царского величества. Если милости великого государя ко мне и к Войску Запорожскому не будет, воеводу скоро переменить не укажет, то Канев пуст будет; да и давно бы был пуст, если бы не головы стрелецкие, Карандеев и Лупандин, держали. Очень мне и всему войску досадительно, будто я стал царскому величеству изменник". В бытность царского посланца в Батурине приехали туда из Канева жена Гурского да обозный с атаманом и говорили: "Как малые дети без матери, так мы теперь без полковника, а неприятель подле Канева, и, как придет, что нам делать без полковника? От Дорошенковых козаков попреки нам и стыд: поддавайтесь царю, поддавайтесь! Хороша к вам царская милость! Все бы мы давно разбрелись, если бы не головы стрелецкие держали; они воеводе говорили, чтобы в такие дела не вступался, ведал бы один город да государевых ратных людей, а полковника отослал бы к гетману; но он и голов называет изменниками". В Москве почли за нужное успокоить гетмана: Волконский был сменен, и в царском указе к нему по этому случаю говорилось: "То ты дуростию своею делаешь не гораздо, вступаешься в их права и вольности, забыв наш указ; и мы указали тебя за то посадить в тюрьму на день, а как будешь на Москве, и тогда наш указ сверх того учинен тебе будет".

С весны 1675 года начали думать о возобновлении военных действий: 26 апреля государь послал Ромодановскому и Самойловичу приказ собраться с Белгородским и Севским полками и с козаками и двинуться к Днепру, к тем местам, в которых Днепр удобен для переправы; а пришедши к Днепру, писать к коронным и литовским гетманам, чтоб они, согласясь между собою, шли к Днепру же в ближние места. Когда поляки дадут знать о своем приходе, то становить с ними следующий разговор о соединении обеих ратей: соединяться на той стороне Днепра, под Коростышевым, или под Мотовиловкой, или под Паволочем, потому что окрестности этих местечек лесисты и кормов всяких достать можно; назначить точно время и место, где соединяться, и чтобы в сборе были все коронные и литовские войска, с пехотою и пушками; чтобы с обеих сторон даны были аманаты; если турки и татары нынешнего лета на войну не придут и будет при Дорошенке турок и татар немного, то царским войскам с королевскими не соединяться. Далее Паволочи войскам царским не ходить; в подъезды войск царских не посылать, кроме охочих людей, и когда с неприятелем сойдутся, то первый бой давать войскам королевским, а царских войск наперед не посылать и в напусках и в отвод не выдавать, стоять заодно и в нужное время друг от друга не отступать, в кормах конских и во всяких добычах войск царских не теснить и быть в соединении до тех пор, пока неприятель не отступит; договариваться и о том, чтобы прибавить к прежним перемирным годам еще 10 лет, чтобы неприятель, видя склонность обоих государей к братской дружбе, от злого намерения своего

отстал; просить, чтобы в благодарность за соединение войск король уступил навеки все завоеванные места; чтоб поляки гетмана Ивана Самойловича почитали и Войску Запорожскому укоризны и бесчестья никакого не делали. Если королевские гетманы станут заключать мирный договор с султаном и ханом, то внести в него следующие статьи: на пограничные с Турциею и Крымом царские украины войною не ходить, если же турки и татары договор нарушат, то царское и королевское величества будут давать им отпор сообща.

29 мая в Сумах гетман Самойлович с старшиною в присутствии князя Ромодановского и царского посланца, стряпчего Алмазова, дал такой ответ: "Соединяться нам с поляками всеми нашими войсками опасно по многим причинам: прошлою зимою, когда король был на Украине и Аджи-Гирей салтан там недалеко стоял в шести тысячах войска, то поляки с этою ордою никакого бою знатного не имели, а все ссылались с салтаном и Дорошенком о мире, и носились слухи, что король пришел на Украину не для отпора туркам, но чтобы каким бы то ни было образом отобрать ее и Киев себе. Поэтому мы не только не желаем соединиться с польскими войсками, но и в других малейших вещах не хотим с ними ссылаться; у нас один защитник - православный монарх, его царское величество; если же государю угодно дать помощь полякам, то послать некоторую часть московских и козацких войск, а не все. Аманатов давать полякам страшно: в прошлых годах они дали туркам аманатов из Львова, духовенство, шляхту и мещан, знатных людей, и в правде своей не устояли, усмотря время, турок побиили. Да и потому нам нельзя соединиться с поляками: поляки народ гордый, станут нас бесчестить и называть своими подданными, козаки станут стоять за свои нрава, и пойдет ссора. Если неприятель подступит всеми силами под Киев, то мы с боярином будем отпор чинить, сколько милосердый бог помощи подаст. В этом и будет королю великое вспоможение, а соединяться с поляками мы не хотим, чтобы чрез соединение большей ссоры не было".

Генеральный писарь Савва Прокопов говорил: "Хотя поляки и толкуют о соединении войск, но лукавым сердцем, верить им нельзя: нынешнюю зимою сенаторы Яблоновский и Сенявский приезжали в Киев проведать про войска и крепости городовые и про иные московские вести, а сказывались простой шляхтою, будто приезжали для покупок, и этим умысел свой объявили". Ромодановский и Самойлович говорили в один голос: "Если великий государь укажет идти нам в Крым, то надеемся учинить там великое разорение".

Бывший Дорошенков есаул Яков Лизогуб рассказывал Алмазову: "Был тайный съезд у визиря с Дорошенком, съезжались только трое - Дорошенко, визирь да я: визирь говорил: мы хотим Запорожье и Киев взять. Когда разговоры кончились, то Дорошенко, вышедши из шатра, сказал мне: слышал, что говорил визирь? Нашею кожею торгуют! - и стал плакать: не дай боже, чтобы замысел их исполнился!"

В конце июля, по вестям из Украины, царь велел Ромодановскому двинуться из Курска в Суджу, отправить в Заднепровье знающих людей для подлинных известий, а к гетману коронному, князю Дмитрию Вишневецкому, отписать, что если все войска, коронные и литовские, в согласии и соединении не будут, то царские войска с одним коронным гетманом не соединятся. В начале августа другой указ: двинуться Ромодановскому из Суджи, а Самойловичу из Батурина к Днепру и отправить за реку по отряду, выбрав добрых людей. Самойлович объявил царскому посланцу, что готов исполнить указ великого государя, но что надобно только ограничиться прогнанием татар, а не соединяться с поляками: "Мне, гетману, и всему нашему войску лучше смерть принять, нежели от поляков в бесчестии и порабощении быть. Если мне и боярину перейти за Днепр, то это все равно что руками нас отдать полякам: у них только речей, что московская пехота способна городов доставать, позовут нас неволею хана в полях искать и Каменца-Подольского доставать, начнут называть мужиками и своими подданными, бить обухами, спрашивать кормов, выговаривать: вы нас в такое осеннее время вызвали, вы и кормите: а козаки теперь и неполякам не спускают, турок и татар побивают: так чего доброго ждать? Начнут биться. Ни на один час нельзя соединяться с поляками! Полякам всего досаднее то, что на этой стороне малороссийские люди живут под царскою рукою во всяких вольностях, покое и многолюдстве; полякам непременно хочется, чтобы какую-нибудь хитростию эту сторону в свои руки прибрать и так же, как ту сторону, разорить и людей погубить; особенно этого добивается коронный гетман, князь Дмитрий Вишневецкий, потому что на этой стороне их маестности были. Мне и всему войску нужно не то, чтобы все коронные и литовские войска пришли к Днепру, нам нужно, чтобы ни один поляк в этих местах не был. А присяга их известна: боярина Шереметева за присягою в Крым отдали! Теперь короля своего на Украине покинули и разошлись по домам!"

Соединение русских войск с польскими было решительно отвергнуто, и в начале осени началось отдельное движение русских войск: Ромодановский и Самойлович сошлись у Обечевской грабли, между рекою Галицею и Прилуками, в 5 верстах от Монастырища и в 50-ти от Днепра. Отсюда 11 сентября двинулись к Яготину, где стояли до 16-го числа; недостаток в конских кормах и *бездровица* заставили их приблизиться к Днепру, к которому подошли 18 сентября, стали в 10 верстах от Канева и послали на ту сторону отряд московского войска под начальством генерал-майора Франца Вульфа и козацкий под начальством генерального есаула Лысенка. Заслышав о приближении этого войска, два полка Дорошенковых сердюков бросили города Корсунь, Богославль, Черкасы, Мошны и другие и ушли в Чигирин; жители также покинули свои города, села и деревни и перешли на восточную сторону. Это движение нагнало сильный страх на Дорошенка, который тщетно просил помощи у турок и татар, занятых войною с поляками, и хотя Ромодановский с гетманом, не предпринявши ничего важного, разошлись - один в Курск, а другой в Батурин, однако

положение Дорошенка не улучшилось. Ненависть к нему была возбуждена сильная, потому что подданство, султану оказалось в последнее время всею своею черною стороною для Украйны. Чигирин, по свидетельству самовидцев, превратился в невольничий рынок, всюду по улицам татары выставляли и продавали ясырь (пленных), даже под самыми окнами Дорошенкова дома. Если кто из чигиринских жителей по христианству хотел выкупить земляка, то навлекал на себя подозрение в неприязни к покровителям Украйны - туркам и татарам. По городам не было меры притеснениям от голодных татар. Проклятия на Дорошенка были во всех устах. Он бы мог еще не обращать внимания на эти проклятия; но в самом Чигирине было мало хлеба, потому что два года уже ничего не сеяли, кормились тем, что могли купить украдкою у жителей восточной стороны. В такой крайности Дорошенко решился обратиться к Серку: нельзя ли посредством Запорожья как-нибудь продержаться, получить выгодные условия от царя, остаться гетманом?

В конце сентября Серко дал знать в Москву о своей верной службе: по царскому указу пришли в Запорожье князь Каспулат Муцалович Черкасский, стольник Леонтьев, стрелецкий голова Лукошкин, Мазин-мурза с калмыками, атаман Фрол Минаев с донскими козаками; Серко соединился с ними, и 17 сентября все пошли чинить воинский промысл над крымскими улусными людьми, за Перекопью разбили татарскую заставу, села попалили, много полону побрали, и христианских душ много освободили, и все здоровы назад пришли. При этом Серко бил челом: "Многое время, не щадя головы своей, промышлял я над неприятелем; а теперь я устарел от великих волокит, от частых походов и от ран изувечен. жена моя и дети в украинском городке Мерехве скитаются без приюта, от татар лошадыми и животиною разорились, а мне, Ивану, теперь полевая служба стала невмочь, присмотреть за стариком и успокоить его некому. Милосердый государь! вели мне, холопу своему, с женишкою и детишками в домишке пожить, чтобы, живучи порознь, вконец не разориться и при старости бесприютно не умереть; вели мне дать свою грамоту, чтобы мне, живучи в домишке своем, утеснения ни от кого не было". "Не время теперь, - отвечал царь, - жить тебе в доме с женою и детьми, а когда будет время и воинские дела станут приходить к успокоению, тогда мы тебя пожалуем, в доме жить позволим и нашу царскую грамотою обнадежим".

Но вслед за тем, от 15 октября, кошевой атаман объявил другую свою службу: "Гетман Войска Запорожского Петр Дорошенко, от данных лет имея подданственное намерение к пресветлому престолу вашего царского величества, не мог его за многими некоторыми завистными людьми препонами привести в совершение. Но теперь, желая его совершить, писал к войску низовому, чтобы мы для этого доброго дела приехали к нему. Мы, учинив раду войсковую общую, решили к нему идти и как скоро подошли к Чигирину с войском низовым запорожским и частию донского, то Дорошенко тотчас в присутствии чина духовного со всем старшим и меньшим товариществом и со всем своим войском и посполитыми людьми

пред св. Евангелием присягнул на вечное подданство вашему царскому величеству; а мы присягнули ему, что он будет принят вашим царским величеством в отеческую милость, останется в целости и не нарушен в здоровье, в чести, в пожитках, со всем городом, со всеми товарищами и войском, при милости и при клейнотах войсковых, безо всякой запрошлые преступления мести от всех неприятелей: татар, турок и ляхов - будет войсками вашего царского величества защищен, места все запустелые на сей (западной) стороне Днепра опять людьми населятся, и будут они вольностями своими тешиться и разживаться, как и Заднепровская (восточная) сторона".

Этот запорожский поступок, нарушавший порядок, установленный на последней Переяславской раде, сильно не понравился в Москве, и царь отвечал кошевому: "Ты это сделал не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману Самойловичу; к тебе о том нашего указа не послано, послан был указ о Дорошенковом подданстве князю Ромодановскому и гетману Самойловичу: и вперед бы тебе и всему Войску Запорожскому низовому с Дорошенком не ссылаться и в дела его не вступаться и тем с гетманом Иваном Самойловичем не ссориться. Да нам известно, что ты взял у Дорошенка клейноты войсковые гетманские, данные нами прежним гетманам, булаву, бунчук, знамя, и отвез их к себе на Запорожье, и теперь эти клейноты у тебя: и ты бы сейчас же отослал их к князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожье никогда гетманских клейнотов не бывало". Серко продолжал распорядиться: минуя гетмана обеих сторон Днепра Самойловича, он разослал грамоты к полковникам: "Объявляю, что гетман Петр Дорошенко от турецкого султана и крымского хана отступил и под высокодержавную руку царского величества подклонился: так извольте междоусобную брань между народом христианским оставить и иным заказать, которых много, что общему христианскому делу не ради; ибо все мы единого бога создание, надобно жить, чтобы богу было годно и людям хвально, дабы бог обратил ярость злую на бусурман. Всем людям прикажи, чтобы никто не ходил на ту сторону обиды делать". Опять царь должен был напомнить кошевому атаману, что все эти дела положены на князя Ромодановского и гетмана Самойловича.

Легко понять, как эти события должны были обеспокоить последнего; он обратился к Матвееву, "своему благодетелю милостивому". "Не раз, - писал Самойлович, - был я предостережен добрыми людьми насчет шатости и замыслов Ивана Серка. Писал я уже к твоей боярской милости, как он добивал челом царскому величеству, чтобы ему несколько козацких полков дать, будто Крым воевать, потом чтоб ему из слободских городов жену выдать, потом чтоб Кереберду-город дать в Полтавском полку; но в то же самое время открыл он тайну писарю своему, говорил: только бы мне в тот уголок залезть, знал бы я, что делать! Только об одном и заботится: как бы собрать войско да войти в города и завести там смуту. Дорошенко, видя, что не над кем гетманить (потому что от Днестра до Днепра нигде

духа человеческого нет, разве где стоит крепость польская), призвал к себе в Чигирин Серка и 10 октября встречал его с духовенством, разгласивши между народом, что хочет жить под рукою царскою. Но здесь явный обман, как дал нам знать один близкий к нему человек. От турок и татар помощи ему нет, а тут ляхи в гостях, да и мы недалеко; вот он, чтобы как-нибудь перезимовать, получить съестные припасы с нашей стороны и перезвать к себе опять людей, такую молву и распустил о подданстве. Завидуя особенно нашей Украине, в мире живущей, хлопчут они завести здесь смуту. И в прошлом 1674 году Серко нам помешал в добрых делах; теперь при мне Мазепа и Кочубей, которые тогда были при Дорошенке; так они сказывают, что Серко присылал к Дорошенку с такою речью: если на тебя Москва наступит, то Войско Запорожское тебе поможет, клейнотов войсковых ни за что Москве на отдавай". К Ромодановскому Самойлович писал: "Рассуди, благодетель мой, дело этих крутоголовых! Перед нами не хотели сделать ничего доброго, а перед каким-то Фролом да Миуском, что самозванца с Дону к Серку привел, какую-то присягу дали! Какова совесть у Дорошенка? Нам раз десять присягал и по-прежнему солгал! Мы узнали, благодетель мой, что там между собою усуетовали: попытаться через своих послов у царского величества: если им позволит черновую раду собрать, то и эту Украину туда же потянуть, смуту здесь завести и нам не поддаться".

Ромодановский наравне с гетманом был оскорблен поступком Дорошенка, который от 12 октября уведомил его о своей присяге перед Серком и Фролом Минаевым и просил прислать в Чигирин добрых людей "для достовернейшего разговора". Ромодановский отвечал: "Когда мы стояли у Днепра, то ты по письму моему и по присылкам своим обещания своего не исполнил, для присяги в обоз к нам не приехал; а теперь для разговора просишь о присылке знатных людей. Это мне очень удивительно! Когда мы с верным и неотменным царского величества подданным, гетманом обеих сторон Днепра Иваном Самойловичем усердно желали тебя принять и государскою милостию обнадежить, то ты *заперепятием* нрава своего этого сделать не изволил; а теперь как могу к тебе для разговора знатных людей послать? Если ты вправду поддался царскому величеству, то приезжай ко мне и к гетману Ивану Самойловичу и присягни пред нами".

Донесения Самойловича произвели большое беспокойство в Москве. Царь писал Ромодановскому и гетману: "Мы как прежде, так и теперь положили Дорошенково дело на вас, и вы бы поступили по своему рассмотрению, чтобы то дело до весны успокоить и к расширению не допустить". Наконец отправлена была царская грамота в Чигирин: "Петру Дорофеевичу наше царского величества милостивое слово. Мы твоего обещания, данного пред Иваном Серком и Фролом Минаевым, в правду не вменяем, потому что они ездили к тебе в Чигирин без нашего указа; эти наши дела на них не положены, и впредь тем делам крепким быть нельзя; и тебе бы, Петру, приехать к боярину князю Ромодановскому и гетману Ив. Самойловичу, и

при них присягу принести. Если же не приедешь, то мы велим боярину и гетману чинить над тобою промысл".

"Я и прежде не отговаривался к тебе ехать, - отвечал Дорошенко Ромодановскому, - но всегда дело шло о моей безопасности. Так и теперь, присягнувши великому государю, мы сейчас же снарядили посольство к царскому величеству и дали об этом знать твоей милости и гетману Самойловичу; но гетман ответа никакого не дал, и по его приказанию заднепровские козаки пограбили чигиринское село над Тясмином, полковник переяславский под Черкасами много людей разорил, по берегу днепровскому крепкую стражу поставили с гетманским приказом не пропускать моих посланников. Нижайше прошу, прекрати войну с нами, как уже с подданными одного государя, и пришли сюда доброго человека для безопасности послов наших; как только этот человек к нам приедет, сейчас же послов и с ними санжаки турецкие к царскому величеству отпустим". Посланец Дорошенко, падши к ногам Ромодановского, должен был просить: "Пусть Дорошенку не чрез кого иного, только чрез его боярскую вельможность, чрез его предстательство будет приобретена щедрая царская милость, чтоб быть ему безопасну в своем здоровье". Получив это письмо, Ромодановский немедленно отправил к Самойловичу дьяка, чтобы прекращены были все неприятельские действия против Дорошенка, а в Чигирин для приема послов и санжаков отпустить полковника Вестова с двумястами человек пехоты. К самому Дорошенку Ромодановский отписал: "Советую твоей милости и сердечно желаю, как другу и приятелю, для твоего добра, чтобы ты благоволил, без всякого замедления сам с полковником Вестовым приехал ко мне в Курск, а из Курска ехать к великому государю. Если бы ты это сделал, то я для большой чести тебе послал бы из Курска с тобою сына моего, князя Михайлу".

Но Дорошенко не думал так скоро покончить этого дела. В конце декабря приехал от него в Москву чигиринский атаман Сенкеевич и объявил: Петр Дорошенко приказал мне бить челом, чтобы царское величество его, Петра, и все посольство пожаловал, велел милостивый указ учинить и своею милостивою грамотою обнадежить и увеселить, чтоб быть ему, сродникам его и всему посольству под высокою рукою царского величества в вечном подданстве, при своем здоровье, пожитках и вольностях неотменно. Он, Дорошенко, великому государю служить и всякого добра хотеть и, не желая чина гетманского, умирать готов, только имеет беспрестанное попечение, чтобы быть при милости его государской. Когда боярин князь Ромодановский и гетман Иван Самойлович стояли у Днепра, то он, Дорошенко, к ним для присяги не поехал, опасаясь за свое здоровье, чтобы нежелательные ему люди западной стороны Днепра, перешедшие на восточную, не сделали над ним того же, что над Самком и Брюховецким. Опасаясь этого, он писал на Запорожье к кошевому атаману Ивану Серку, чтобы приехал в Чигирин для совета и был свидетелем присяги Дорошенко царскому величеству. Когда Серко приехал, то присяга

была принесена и клейноты войсковые ему отданы, причем Серко и все войско велели ему, Дорошенку, писаться гетманом до указа великого государя. В подданстве у турецкого султана был он и санжаки турецкие принял с общей рады всей старшины. Когда он в одно время получил и милостивую государеву грамоту из Москвы, и обнадеживательные грамоты от короля, то созвал всю старшину и спрашивал: у которого государя быть в подданстве? И старшина пожелали обороны турецкой и крымской. Но когда султан и хан для этой обороны пришли на Украину, города разорили, множество невинных душ погубили и в неволю захватили, в то время те же советники, складывая вину на Дорошенка и желая себе гетманства, перешли все на восточную сторону, также и жители; а он, Дорошенко, вспоминая царские милостивые грамоты и не видя в том деле ни от кого помешки, от султана отстал и санжаки шлет к великому государю с тестем своим и братом Андреем, и как скоро чрез этих посланников получит полное уверение, то немедленно без отговорок поедет в Москву. Теперь при нем города Чигиринского полка: Крылов, Вороновка, Бужин, Бовица, Суботово, Медведовка, Жаботин, Черкасы, Белозерье.

Сенкеевич подал грамоту от гетмана: в ней Дорошенко сравнивал себя с евангельским расслабленным, не имевшим человека, который бы ввергнул его в целительную купель. "Не имел я человека, - писал Дорошенко, - который бы избавил меня от злого недуга, от ига бусурманского, ввергнув в целебную купель великомощной вашего царского величества обороны. Умилосердись, великий государь царь, не отринь меня от пресветлого лица своего, но милостиво, яко царь небесный, Христос, расслабленному рцы: восстани, возьми одр свой и ходи, повели мне срамное ложе ига бусурманского оставить!" "Все прежнее будет забыто, - отвечал царь. - Безо всякого сомнения приезжай на сю сторону Днепра к князю Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу и пред ними принеси присягу: захочешь с родственниками своими ехать к нам в Москву, то получишь нашу многую милость и жалованье, и укажем отпустить тебя в малороссийские города по-прежнему, позволим жить, в каком городе захочешь, безо всякой обиды и укоризны". Нежеланный был это гость для гетмана Ивана Самойловича; гетман не верил, чтоб Дорошенко решился приехать на восточную сторону в виде частного человека, он все боялся смут от Дорошенка и Серка, сознания рады и свержения его, Самойловича. Он послал в Запорожье грамоту с выговором, как смел Иван Серко с товарищами ездить в Чигирин и подтвердить там гетманство Дорошенку без ведома гетмана и всего Войска Запорожского городского? Потом, как смели разослать грамоты к полковникам, чтобы те не враждовали более с Дорошенком? "И так уже, - писал гетман, - почти 30 лет за грехи наши кровавым обливаемся потом. Каждый из молодцов добрых, бога боящихся и правду любящих, знает, что западная сторона разорена благодаря Дорошенку, который возбудил против себя беды со всех сторон, поддавшись турецкому султану, под которым и последних людей потерял; а когда увидел, что мало там осталось, то, чтобы побыть некоторое время гетманом, призвал вас к своему расколу. Извещаю вам, что не надобно в

этих городах наших никаких рад собирать и ничего у царского величества добиваться; были уже в четыре года две рады". Царскому послу Алмазову гетман говорил: "У Серка с Дорошенком давняя дружба и клятва друг другу во всем добра искать. Теперь Дорошенка держит Серко, а только б не Серко, то Дорошенко давно бы сам приехал к князю Ромодановскому или ко мне".

В январе 1676 года приехали в Москву и обещанные Дорошенком знатные послы, тесть его, уже известный нам Павел (Яненко) Хмельницкий с товарищами и послами из Запорожья, привезли турецкие санжаки - бунчук и два знамени тафтяные. На спрос, зачем приехали, послы объявили: "Приказал нам Петр Дорошенко у великого государя милости просить, чтобы царское величество пожаловал, вины его изволил простить и принять под свою высокую руку, и позволил бы остаться ему в прежнем своем чине гетманом, и войсковые прежние клейноты были бы при нем; а он, Дорошенко, служить будет вовек, не щадя здоровья своего; впрочем, гетманский чин в воле великого государя. Бьет челом Петр Дорошенко, чтобы великий государь пожаловал его, сродников его и все посольство, указал им жить по-прежнему на той стороне Днепра в старых своих поселениях, при пожитках своих и вольностях, как живут во всяких покоях и вольностях на сей стороне Днепра малороссийские жители, чтобы на той стороне церкви божии не разорились, а им на сей стороне между дворами не волочиться; слухи у нас носят, что заставят нас покинуть дома, сжечь города и перейти на сию сторону. Да чтобы мы были защищены от турецкого султана, крымского хана и польского короля, чтобы на той стороне Днепра церкви божии не запустели и обе стороны в разлучении не были. Как будет на это челобитье милостивый указ и мы к Дорошенку возвратимся, то он приедет, ударит челом великому государю, а до тех пор ни в Москву, ни в полк к боярину и гетману не поедет".

В ответ послам сказали, что они будут отпущены к князю Ромодановскому и гетману Самойловичу и там задержаны до тех пор, пока сам Дорошенко приедет на сию сторону и присягнет великому государю; но в то же время Ромодановскому и гетману дано было знать: "Если, смотря по тамошнему делу, пристойнее будет Павла Яненка с товарищами отпустить к Дорошенку в Чигирин, то сделайте это по своему рассмотрению, как вас господь бог вразумит, чтобы Дорошенка совершенно обнадеежить и на сию сторону перезвать". На челобитье Дорошенка, объявленное послами, был дан указ: "За подданство и присылку санжаков великий государь милостиво похваляет. Присяга перед Серком в правду не вменяется, присяга должна быть принесена перед князем Ромодановским и гетманом Самойловичем. Все прежние преступления прощаются. На обеих сторонах быть одному гетману - Ивану Самойловичу. Городом Чигирином со всеми поселениями жалует государь Петра Дорошенка и все посольство. Для обороны в Чигирин и Канев ратные люди будут присланы в то время, когда Дорошенко присягнет на вечное подданство перед боярином и гетманом, Жить Дорошенко может где захочет, и никакого притеснения ему не будет.

Брат Дорошенка, Григорий, будет освобожден и отослан к боярину и гетману".

В днепровской Украине дела начали принимать благоприятный для Москвы оборот; но иначе было на другой украине, на другой козацкой реке, на Дону.

1674 год прошел здесь безо всякого дела. Новый воевода, сменивший Хитрово, князь Петр Хованский, пришел на Дон поздно, ходил осматривать места на Миусе, где бы построить городок, и нашел, что нигде ничего построить нельзя; донесения воеводы царю наполнялись известиями о побегах ратных людей. Летом 1675 года государь послал на Дон указ идти на козачий ерек, прокопать его и построить городки. Хованский поговорил об указе тайно с атаманом Корнилом Яковлевым, и тот начал в Черкасске собирать круги и объявлять указ; козаки отвечали, что им прокапывать ерек, городки строить и в нужное время в осаде сидеть за малолюдством невмочь, и, говоря эти слова, расходились из круга с криком. Атаман созвал их в круг в последний раз и допрашивал: "Скажите в одно слово, прокапывать ли ерек и городки строить ли? Чтобы мне писать о том к великому государю подлинно". Козаки и тут, не сказавши ничего наверное, хотели расходиться из круга. Корнил начал кричать с угрозами, чтобы не смели расходиться, не порешивши дела, и зашиб двоих или троих козаков палкою. Козаки зашумели, бросились на атамана и прибили его; одного из старшин, Родиона Калужанина, хотели убить до смерти, но тот убежал, отмахавшись ножом, и скрылся у Хованского в новом городке, где стояли государевы ратные люди. Через три дня Хованский поехал в Черкасск и взял Родиона с собою; после обедни воевода начал уговаривать козаков, чтобы они от непослушанья своего отстали и были с старшиною в совете. Козаки простили Родиона, позволили ему жить в Черкасске по-прежнему; но Корнил Яковлев атаманство сдал, и на его место выбрали Михайлу Самаренина.

Выбравши нового атамана, козаки собрались в круг и говорили, чтобы им идти на ерек для осмотра, можно ли им ерек прокопать и городки строить? Хованский отправился на ерек, взял с собою ратных людей тысячи с четыре, да атаман Михайло Самаренин взял с собою козаков тысячи с три, осмотрели места и нашли, что на ерке можно построить два городка, а третьего, против Азова, на взморье строить нельзя, потому что земля не сдержит, разве построить каменный. Хованский стал говорить козакам: "Мы начнем строить городки, а вы будете в них сидеть, будете получать государево жалованье". "Хотя бы нам государь положил жалованья и по сту рублей, то мы в городках сидеть не хотим, ради мы за великого государя помереть и без городков: в городки надобно людей 13000, а нас всех на реке только тысяч с шесть".

Осмотревши ерек, возвратились в Черкасск, и козаки стали между собою говорить, чтобы им идти на море для промыслу над неприятелями, а себе

для добычи; собралось их три тысячи, и послали сказать Хованскому, чтобы дал им в помощь государевых ратных людей. Воевода сам пошел их провожать к ерку с 4000 войска. Но как пришли они на ерек, в те места, которые прежде осматривали, то нашли, что по другую сторону каланчи, от Азова, построены шанцы, в них сидят азовцы с пушками. Засвистали ядра и пули. Русские на своей стороне построили шанцы и стреляли в неприятеля через реку пятеро суток, многих побили, живых взяли троих и тем удовольствовались; козаки, узнав, что близ Азова стоят военные суда, испугались, на море не пошли и возвратились все в Черкасск.

Когда в Москве узнали об этих происшествиях, то на Дон к Хованскому пошла гневная государева грамота. "Козаки так делают, забыв страх божий и презрев наше жалованье, - писал царь, - в Москве атаман Родион Калужанин от имени всего войска бил челом, чтобы мы велели козакам и нашим ратным людям прокопать ерек и построить на нем три городка; говорил, что козаки охотно сядут в этих городках, если им дано будет по 10 рублей жалованья, что городки эти будут держать в осаде не один Азов, но и самый Царьгород; а теперь козаки во всем вам отказали и старшин своих обесчестили! Мы простим их по просьбе наших сыновей-царевичей, но с тем, чтобы они немедленно же шли на ерек и строили городки; если же этого не сделают, то жалованья нашего им не видать, и запретим нашим городам под смертною казнию пропускать к ним запасы".

Грамоту прочли козакам в кругу; в ответ поднялся шум, посыпались ругательства на Хованского за то, что грамота прислана по его письму, и отказались идти на ерек. Чтобы как-нибудь смягчить отказ, атаман и старшины объявили Хованскому, что они не смеют постановить никакого решения без совету с верховыми городками. Была и другая причина шуму в кругах: царь требовал выдачи известного вора Сеньки Буянка; Корнил Яковлев и другие добрые козаки приговаривали выдать Буянка; но другие козаки кричали Корнилу: "Повадился ты нас к Москве возить, будто азовских ясырей, будет с тебя и той удачи, что Разина отвез; если Буянка отдать, то и по достального козака присылки из Москвы ждать будет!"

Выступил в кругу Родион Калужанин и стал держать речь: "Из-за одного человека вы повеленье великого государя презираете. Вспомните, что вы говорили, лежа в камыше под каланчами? Что надобно на ерке город построить, будет он Азову вместо осады, а козакам на море будет путь свободный. По этим вашим словам, будучи на Москве, я великому государю известил; а теперь у вас во всем стало непостоянно". Фрол Минаев поддакивал Родиону, и на обоих поднялись крики: "Вы этим выслуживаетесь, берете ковши да соболи, а Дон разоряете; тебя, Фрола, растакую м....., на руку посадим, а другую раздавим!" Не слышать было одного, атамана Михайлы Самаренина: хотя бы слово сказал и унял козаков!

С тех пор козаки начали дурно обходиться с государевыми ратными людьми, ругать их мясниками, прибили и ограбили стрельца, а управы не дали.

Надобно было выбирать в зимовую станицу для посылки в Москву, как был обычай; выбрали Корнила Яковлева и других козаков, которые отличались раденьем к государю. Корнил сказал, что он в зимовой станице не поедет: "Прежде я ездил в Москву и доносил великому государю нашу службу: а теперь что я ему объявлю? Что во всем вы ему непослушны?" Козаки зашумели. "Если ты не поедешь, - кричали они, - то мы тебя и с пасынком Родионом скуем, и, как ты Разина возил, так и с тобою сделаем". После этих угроз Корнил не посмел больше отказываться. "Смотри, ты в Москве немного говори, - кричали ему козаки, - говори одно, чтобы ратных людей от нас вывести, у нас и без них войска много!" Хованскому доносили, что во всех городках по станичным избам все козаки собираются идти на государевых ратных людей и московских стрельцов хотят побить, а городовым стрельцам дать волю; говорят: "Московских стрельцов немного, а украинные стрельцы с нами биться не будут. А если государь пришлет на Дон рать большую, то мы замиримся с Азовом и поднимем Крым; старшин, которые с Разиным не были и государю доброхотуют, побьем, чтобы они в Москву вестей не давали". Доносили, что ратных людей, которые бегут из полков, козаки уговаривают, чтобы остались с ними, а у них на весну всего будет много, и беглецы остаются на Дону. Во всех городках козаки пустили молву, что стрельцам в Москву идти незачем: боярин Матвеев за одного своего человека два приказа стрельцов велел порубить.

Когда на Дону узнали, что Хованский послал с этими вестями в Москву, то к нему явились старшины с объяснениями. "Мы узнали, - говорили они, - что некоторые пьяницы козаки в верхних городках начали волноваться и непристойные слова распускать и ты, князь, писал об этом государю; так мы тебя обнадеживаем, что у козаков в нижних городках никаких злых умыслов нет и не бывало, государю по присяге служат и вперед его наследникам служить будут. А если козаки-пьяницы в верхних городках и побунтовались, то мы воров сыщем и казним без пощады".